4535

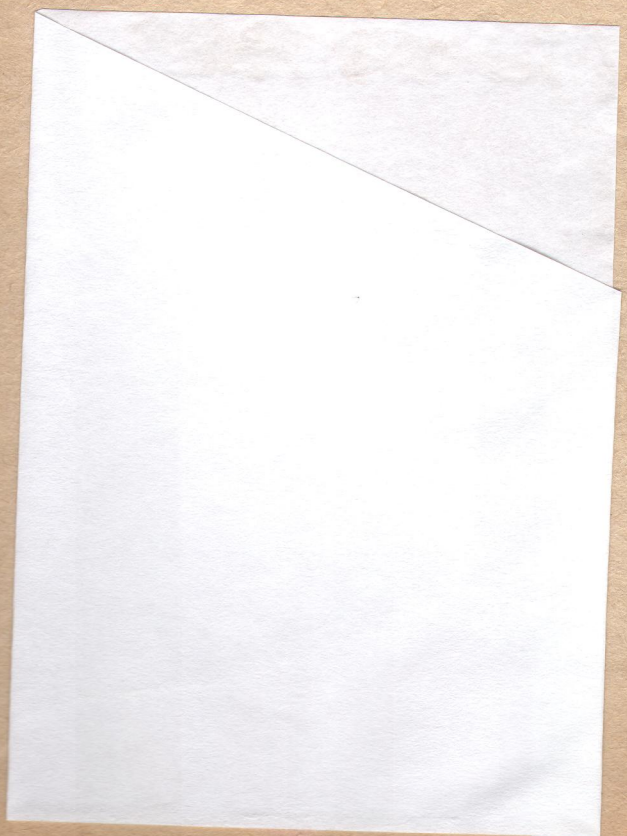
памяти

Потебни А.А.

ГАЛКУЛ [illegible]
КОМ[illegible]
Бухгалтерия № 34-36
Бракер № 7

90

~~Ч 484(2)711 д~~
Ч 448.4(4 УКР) 708 д



44565

ПАМЯТИ

Александра Аѳанасьевича

ПОТЕБНИ

[† 29 ноября 1891 г.]

съ приложеніемъ портрета.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ХНУ инв. № 44565

ХАРЬКОВЪ.

Типографія К. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.

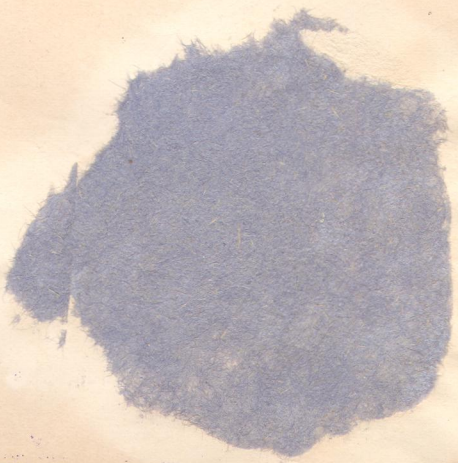
1892.

Проверено ЦНБ 1939

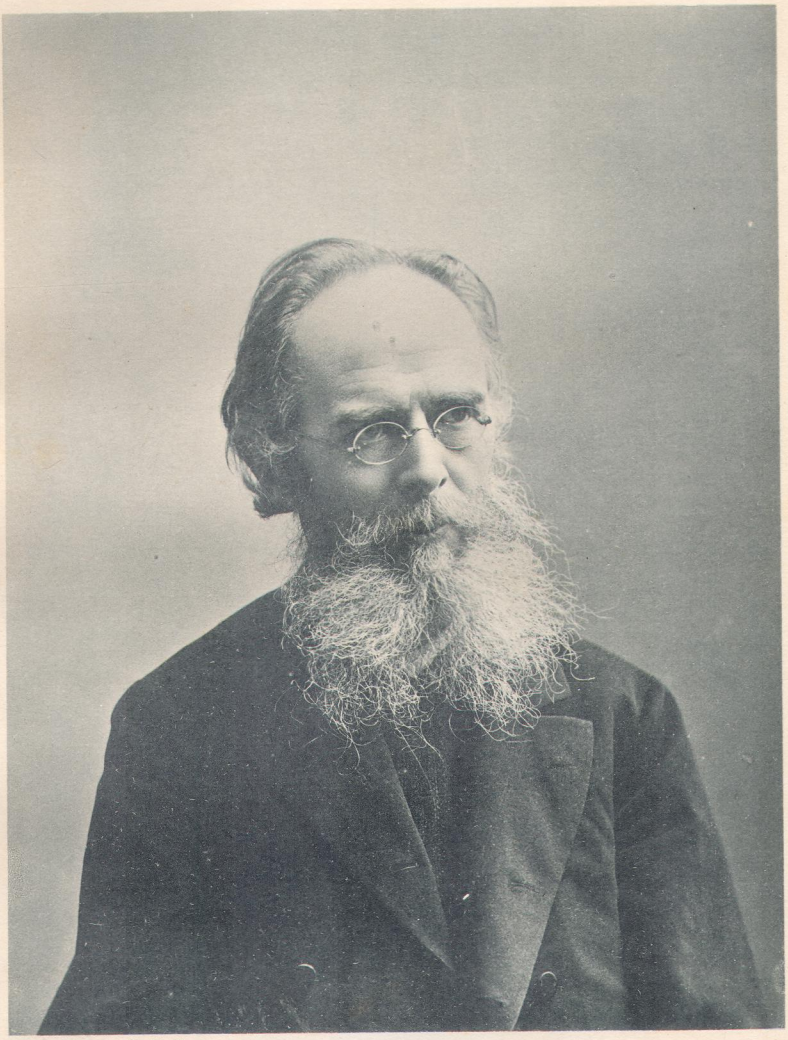
В кн. 16. л.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 17 Апрѣля 1892 г.

Предсѣдатель Профессоръ *Дриновъ*.



83 84
79



Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Александръ Аѳанасьевичъ

Потебня.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 44568

Изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Общества 29 Ноября 1891 г. и 12 Марта 1892 г.

29 Ноября 1891 года Историко-Филологическое Общество понесло тяжелую потерю: скончался Александръ Аѳанасьевичъ Потебня, въ теченіи 12 лѣтъ состоявшій предсѣдателемъ Общества, его главной научной силой и нравственной опорой. Въ экстренномъ засѣданіи 4 Декабря, послѣ чествованія памяти покойнаго вставаніемъ, рѣшено было:

1) выразить семьѣ А. А. Потебни чувство глубокой горести и заявить о желаніи Общества оказать всякое содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ для біографіи А. А. Потебни и въ изданіи его многочисленныхъ научныхъ трудовъ, оставшихся въ рукописяхъ, и

2) помѣстить въ 4 т. Сборника портретъ А. А., сказанныя при его погребеніи и на панихидахъ рѣчи и некрологи, одни цѣликомъ, другіе—въ сокращеніи.

По предложенію Ѳ. А. Павловскаго постановлено учредить при Обществѣ премію имени А. А. Потебни за лучшія студенческія сочиненія изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни. Коммиссія въ составѣ 6 членовъ: М. С. Дринова, Н. Ѳ. Сумцова, Д. И. Багалѣя, М. Е. Халанскаго, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, Б. М. Ляпунова, Ѳ. А. Павловскаго и В. И. Касперова—выработала правила преміи, которыя утверждены въ засѣданіи Общества 12 Марта 1892 г. для представленія на утвержденіе высшему начальству.

1) Премія утверждается при И.-Ф. Обществѣ и присуждается только за сочиненія студентовъ Харьковскаго университета.

2) Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ съ капитала въ $2^1/_2$ тысячи изъ пожертвованій, за лучшее сочиненіе на темы, предложенныя Обществомъ по исторіи русскаго языка или словесности, преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни.

3) Допускается представленіе сочиненій на тему ближайшаго истекшаго года, если премія за тотъ годъ осталась неприсужденной.

4) Сочиненіе представляется къ 15 Октября, а премія выдается 29 Ноября въ день кончины А. А. Потебни. Въ этотъ же день объявляются новыя темы на предстоящій годъ.

5) Присуждается премія коммиссіей изъ 3 членовъ, изъ коихъ одинъ непремѣнно долженъ быть изъ преподавателей Историко-Филологическаго факультета. Присужденіе утверждается въ засѣданіи Общества и съ мотивированнымъ отзывомъ вносится въ годовой его отчетъ.

6) Если въ какомъ либо году премія не будетъ выдана, то неизрасходованая сумма процентовъ или присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра преміи или, по усмотрѣнію Общества, увеличивается число премій за лучшія сочиненія.

7) Въ случаѣ закрытія Общества всѣ права и обязанности его по дѣлу о преміи переходятъ въ Историко Филологическій Факультетъ Харьковскаго Университета.

По предложенію Н. Ѳ. Сумцова и ходатайству Историко-Филологическаго факультета, Правленіе ассигновало 50 руб. на пріобрѣтеніе для университета большаго фотографическаго портрета А. А. Потебни.

Похороны. Рѣчи по погребеніи. Телеграммы.

Въ Воскресенье 1 Декабря, въ 9-мъ часу утра тѣло скончавшагося профессора А. А. Потебни было перенесено въ университетскую церковь. Передъ выносомъ изъ квартиры усопшаго деканъ историко-филологическаго факультета проф. А. С. Лебедевъ сказалъ, отъ лица присутствовавшихъ тутъ профессоровъ-товарищей, слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь:

«Провожая на вѣчный покой останки дорогаго члена нашей университетской семьи, будемъ утѣшаться, что не умеръ, а вѣчно будетъ съ живущими жить духъ его: будетъ жить онъ и въ оставленныхъ почившимъ произведеніяхъ его высокаго ума, и въ воспоминаніяхъ, какія всегда будутъ храниться у насъ и грядущихъ поколѣній, въ исторіи, о его свѣтлой глубоко назидающей личности. *Праведники*, говоритъ намъ священное слово, *во вѣки живутъ.—Въ память вѣчную будетъ праведникъ*—тотъ, кто жилъ праведно, жилъ по правдѣ и ради правды,—правды мысленной и дѣятельной. А такимъ и знали всѣ мы почившаго, какъ искренняго любителя, ревностнаго искателя и безбоязненнаго выразителя и служителя правды.—Да будетъ же вѣчная память тебѣ и о тебѣ, честный, подвигомъ добрымъ подвизавшійся дѣятель, не скрывшій въ землѣ, а преумноживший въ земной твоей жизни щедро данные тебѣ отъ Бога таланты. Sit tibi terra levis.

По окончаніи обѣдни, въ университетской церкви началась заупокойная панихида, совершенная настоятелемъ храма, профессоромъ богословія, о. Василіемъ Добротворскимъ соборнѣ съ четырьмя другими священниками. На обѣднѣ и панихидѣ присутствовали: г. попечитель учебнаго округа, г. ректоръ университета, г. инспекторъ, деканъ историко-филологическаго факультета, много профессоровъ университета, нѣсколько бывшихъ профессоровъ (Е. С. Гордѣенко и И. Ѳ. Леваковскій), преподавателей, служащихъ, представителей харьковскаго педагогическаго міра и студентовъ. Церковь была полна молящихся. Гробъ вынесли сослуживцы покойнаго, профессора, а за тѣмъ всю дорогу до кладбища несли студенты. Крышку гроба украшали вѣнки—отъ «Совѣта Императорскаго харьковскаго

университета» (большой серебряный), отъ «историко-филологическаго факультета» (изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью «незабвенному товарищу»), отъ «историко филологическаго общества» (серебряный), отъ студентовъ университета (металлическій), отъ редакціи и сотрудниковъ журнала «Кіевская Старина» (серебряный). Пѣлъ студенческій хоръ. На могилѣ ректоръ университета М. М. Алексѣенко произнесъ слѣдующее краткое, но задушевное слово.

«Мы предаемъ землѣ прахъ замѣчательнаго ученаго, талантливаго профессора и человѣка, достойнаго самаго глубокаго уваженія. Слава его, какъ ученаго, переживетъ его на многіе годы. Ученые труды его—общественное достояніе, которое будетъ передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. То, что посѣялъ онъ, какъ преподаватель, прорастетъ, взростетъ и прославитъ его—прославитъ въ ученикахъ. Но *человѣка* мы потеряли, и это—тяжелая утрата въ небогатое людьми время. Мы потеряли товарища, члена университетской коллегіи, и нашъ нравственный долгъ—въ эти скорбныя и торжественныя минуты воздать ему заслуженную хвалу. Его жизнь, полная беззавѣтной преданности наукѣ, чуждая житейской суеты, далекая отъ борьбы и столкновеній личныхъ интересовъ, да послужитъ образцемъ для тѣхъ кого онъ воспитывалъ, опорою для колеблющихся и утѣшеніемъ для тѣхъ, которые избрали такой же путь. Прими же послѣднее прости отъ оплакивающихъ тебя товарищей».

Въ 9 день по кончинѣ А. А. Потебни заслуженный профессоръ богословія протоіерей В. И. Добротворскій сказалъ слѣдующее слово передъ панихидою:

«Смерть унесла отъ насъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ сочленовъ, котораго память мы нынѣ собрались творить. Смерть прекратила его земную жизнь, но запечатлѣла въ насъ его образъ, представленіе о его трудовой умственной жизни отъ ея начала до конца.

Александръ Аѳанасьевичъ началъ и закончилъ свое образованіе въ сравнительно суровой школѣ прежняго времени; тамъ учили немногому, но то немногое, которое тамъ сообщалось, знали хорошо. То былъ, можно сказать, скелетъ по отношенію къ истинно-научному знанію, но прошло время, скелетъ сталъ облагаться плотію и кровію, оживотворяться, возрастать и увеличиваться. Начало самостоятельной дѣятельности Александра Аѳанасьевича совпадаетъ съ эпохою все-

общаго возбужденія и оживленія русской жизни во всѣхъ родахъ дѣятельности, безъ сомнѣнія и умственной. Скажемъ объ этой эпохѣ примѣнительно къ словамъ праведнаго Симеона: «тогда откроются многихъ сердецъ помышленія» (Лук. 2, 35). И они дѣйствительно, стали повсюду открываться въ явленіяхъ, далеко не всегда желательныхъ. Открылись и сердечныя помышленія Александра Аѳанасьевича; это—безграничная преданность наукѣ до самоотверженія, его жизненные интересы сосредоточивались въ научныхъ изысканіяхъ.

«Блаженъ путь, въ онъ же идеши днесь, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія», возглашается при погребеніи усопшихъ. Но блаженъ для тѣхъ, которые предварительно шли добрымъ путемъ и подвизались на немъ подвигомъ добрымъ. Среди повсюднаго шатанія и увлеченій Александръ Аѳанасьевичъ шелъ своимъ ровнымъ, прямымъ царскимъ путемъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шуее, (4 Цар. 22, 2) въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Подвигъ, которымъ онъ подвизался, былъ добрый, какъ самъ по себѣ, потому что состоялъ въ изысканіи истины, такъ и по тѣмъ благимъ плодамъ, которыми сопровождался; разумѣемъ не одни ученые труды Александра Аѳанасьевича, но и то вліяніе, которое онъ производилъ на другихъ, возбуждая и укрѣпляя въ нихъ духъ строго-научнаго изслѣдованія.

Предметомъ его научныхъ изслѣдованій была область нашего роднаго, отечественнаго слова; онъ глубоко постигалъ тайны строенія и нашего прародительскаго языка, того языка, на которомъ изглаголано намъ слово Божіе. Ученые труды Александра Аѳанасьевича много могутъ содѣйствовать къ выясненію и уразумѣнію возвышеннаго, глубоко-жизненнаго смысла этого слова, такъ затрогивающаго душу православнаго русскаго человѣка.

Да дастъ ему Господь, по отшествіи отъ насъ, услышать тѣ неизреченные на языкѣ человѣческомъ глаголы, которые составляютъ радость и блаженство сущихъ въ небесныхъ обителяхъ Отца свѣтовъ и Господа разумовъ».

По случаю кончины А. А. Потебни, вдовой покойнаго, ректоромъ университета и нѣкоторыми профессорами получены были отъ разныхъ научныхъ учрежденій и частныхъ лицъ—профессоровъ и учителей—телеграммы и письма съ выраженіемъ чувства скорби. Не касаясь частныхъ писемъ (отъ проф. Корша, проф. Будиловича, А. А. Русова и др.) отмѣтимъ лишь слѣдующія телеграммы:

1) На имя вдовы М. Ф. Потебни отъ историко-филологическаго факультета Варшавскаго университета: Съ глубокой скорбью узнавъ о кончинѣ незабвеннаго въ исторіи русской филологіи Александра Аѳанасьевича, ист. фил. факультетъ Варшавскаго университета шлетъ вамъ выраженіе своего искренняго участія и соболѣзнованія. Деканъ Будиловичъ, профессоры: Смирновъ, Гротъ, Первольфъ, Кулаковскій, Созоновичъ, Цвѣтаевъ, Филевичъ, Зенгеръ, Вѣховъ, Ульяновъ, Новосадскій.

2) На имя М. Ф. Потебни отъ проф. А. И. Александрова (изъ Казани): Невыразимо тяжела утрата дорогаго Александра Аѳанасьевича. Глубоко сочувствую вамъ.

3) На имя проф. Н. Ѳ. Сумцова отъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (изъ Москвы): Императорское общество любителей ест., антр. и этн. проситъ васъ передать вдовѣ профессора Потебни свое глубокое сочувствіе по поводу незамѣнимой утраты, постигшей ее и всю русскую науку. Президентъ Анучинъ. Секретарь Гондатти.

4) На имя ректора М. М. Алексѣенка изъ Петербурга: Прошу передать семейству почившаго А. А. Потебни глубокое соболѣзнованіе одного изъ слушателей незабвеннаго профессора и труженика науки. Шумигорскій.

5) На имя г. ректора изъ Пензы: Бывшіе студенты Харьковскаго университета, служащіе въ Пензѣ, сегодня молились объ усопшемъ любимомъ профессорѣ А. А. Потебнѣ и выражаютъ свою скорбь о незамѣнимой потерѣ, понесенной въ его лицѣ университетомъ. Инспекторъ 1 гимназіи Бѣляевъ.

6) Вдовой покойнаго профессора А. А. Потебни получена изъ Парижа отъ профессоровъ А. И. Кирпичникова и И. И. Мечникова слѣдующая телеграмма:

Avec profonde regrêt, opprimés de la mort du cher mâitre et ami, nous participons pleinement à votre malheur.

(Съ глубокимъ сожалѣніемъ, удрученные смертью дорогаго учителя и друга, вполнѣ раздѣляемъ горе по случаю постигшаго Васъ несчастья).

Статья Н. Ѳ. Сумцова (въ 310 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г.)

Въ исторіи русской филологической науки, въ исторіи Харьковскаго университета имя скончавшагося Александра Афанасьевича Потебни вписано неизгладимыми чертами, какъ имя глубокаго ученаго, достойнѣйшаго преподавателя, человѣка благороднѣйшей души. Невозможно очертить въ краткомъ некрологѣ его плодотворную научную дѣятельность. Достаточно здѣсь сказать, что А. А. былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій: русскихъ и западно-славянскихъ, что научные его труды были удостоены высшихъ наградъ со стороны академіи наукъ и географическаго общества, что филологическія и этнографическія его сочиненія получили самую высокую оцѣнку у Срезневскаго, Будиловича, Ламанскаго и Пыпина. Это была первоклассная умственная сила, равной которой не было на историко-филологическомъ факультетѣ Харьковскаго университета за всѣ 85 лѣтъ его существованія, и нѣтъ въ настоящее время среди филологовъ всего славянскаго міра. Глубокое изученіе формальной стороны языка у Александра Афанасьевича шло рядомъ съ философскимъ пониманіемъ языка, рядомъ съ любовью къ поэзіи и искусству. Покойный уважалъ все разумное, доброе, честное. Это была замѣчательно свѣтлая, симпатичная, многосторонне развитая личность. А. А. поражалъ и импонировалъ цѣльностью своего міросозерцанія и строгостью нравственныхъ принциповъ. На кафедрѣ онъ являлся учителемъ въ лучшемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. На всемъ его преподаваніи лежалъ яркій отпечатокъ его эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души. Въ каждомъ его словѣ слышалось живое личное увлеченіе наукой, какъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго духа, уваженіе къ личности человѣка и къ личности народа. Въ принципіальныхъ вопросахъ это былъ человѣкъ строгій, безъ отклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой непреклонной нравственной требовательностью, прилагаемой безусловно къ собственной личности и къ собственнымъ научнымъ трудамъ, уживалось доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни и готовность

помочь матеріально и нравственно. На учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважали въ лицѣ А. А. человѣка, глубоко преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ области филологическихъ знаній, вполнѣ независимаго, человѣка съ цѣльной нравственной личностью. Какъ преподаватель А. А. открывалъ обширные научные горизонты, намѣчалъ и прокладывалъ новые пути для научной работы, поднималъ умственный и нравственный уровень своихъ слушателей. Его нравственный характеръ и научная дѣятельность служили всегда опорой и образцомъ для лучшихъ представленій о значеніи университета и профессора.

Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ послѣдняго прощанія съ дорогимъ усопшимъ, его благодарные и признательные ученики не могутъ теперь дать надлежащаго отчета о величинѣ постигшей нашъ университетъ утраты, но оправившись отъ перваго удара чувства горести, они, несомнѣнно, соединятъ свои усилія для чествованія памяти своего незабвеннаго наставника.

Пріими-же дорогой учитель, отъ меня, всей душей тебѣ преданнаго ученика, мой послѣдній низкій поклонъ любви и благодарности, пріими эту слабую поминку мою, какъ выраженіе моей глубокой скорби объ утратѣ твоего личнаго благотворнаго вліянія.

Статья Н. Ѳ. Сумцова (въ Česky lid 1892 № III 314).

Dne 29. listopadu (dle rusk. kalendáře) zemřel vynikající filolog a ethnograf, professor charkovské university Alexandr Afanasjevič Potebnja ve stáří 57 let. V r. 1887 Potebnja byl zvolen za člena král. české společnosti nauk. Kromě toho byl členem mnohých ruských vědeckých společností, dopisujícím členem petrohradské akademie nauk a během 12 let předsedou charkovského historicko-filologického spolku. Z mnohočíselných jeho prací hlavnimi jsou z oboru dějin jazyka „Iz zapisok po russkoj grammatiki“ (Ze zápisek ruské grammatiky) a z oboru ethnografie dva rozsáhlé díly „Objasnenija o malorusskich i srodnych s nimi pěseň“ (O maloruských a příbuzných s nimi písních), „Obzor poetičeskich motivov koljadok i ščedrovok“ a j. v. Byla to jedna z předních sil mezi slovanskými učenci. Rozsáhlost jeho vědění byla překvapující. Vynikal bystrým rozumem a obšírnými vědomostmi. V oblasti studia ruského jazyka Potebnja jeví se jediným zástupcem filosofického směru. V jeho výkladu, jmenovitě při přednáškách, jazyk není pouhým systémem vět, forem a zvuků ale živým, organickým vtělením lidské myšlénky. Dejiny jazyka u něho byly zároveň dějinami myšlénky a dějinami lidské kultury.

Potebnja byl člověk s ustáleným a originalním světovým názorem, s nezvratnými mravními zásadami. Na celé jeho osobě tkvěla něha šlechetné, lidumilné duše. Jeho mravní charakter a vědecká činnost mohou býti příkladem pro nejlepší představy o úkolu a vyznamu universitního professora.

Примѣчаніе. Подробная статья Н. Ѳ. Сумцова объ этнографическихъ трудахъ А. А. Потебни печатается въ Кіевской Старинѣ 1892 г. (Янв.—Май). Извлеченія изъ этой статьи вошло въ перепечатываемую ниже статью Д. И. Багалѣя.

Статья М. Е. Халанскаго (въ IV кн. Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.)

ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ.

Свѣжая могила, преждевременная смерть, тяжелая, незамѣнимая утрата! 29 Ноября въ 4 ч. дня въ Харьковѣ скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потебня на 58 году отъ рожденія. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла могучаго своего представителя, горячо и страстно преданнаго ея интересамъ, всецѣло жившаго въ сферѣ науки и для науки. Безъ устали, не покладая пера, покойный работалъ, пока могъ, пока были силы.... Выдающеюся особенностью ума Потебни была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Широта его обобщеній была поразительна. Съ высоты своихъ отвлеченій онъ орлинымъ взглядомъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя на взглядъ кажутся довольно отдаленными другъ отъ друга. Мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности и такимъ образомъ сообщалъ своему предмету удивительно широкую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія. Кто знаетъ Потебню по печатнымъ его трудамъ, тотъ его мало знаетъ. Нужно быть ученикомъ Потебни, знать его ближе, чтобы вполнѣ оцѣнить великость настоящей утраты. Насколько сухи и иногда тяжелы для пониманія его изслѣдованія, настолько рѣчь его была жива и увлекательна. Въ изложеніи Потебни языкъ являлся не отвлеченной системой фразъ, словъ и звуковъ, а живымъ организмомъ, развивающимся по свойственнымъ ему законамъ, чистѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго разума, воплощеніемъ человѣческой мысли. Исторія языка у Потебни была вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей культуры.

Богатырь мысли, Потебня могъ съ своихъ обобщеніяхъ подниматься на удивительно высокую степень отвлеченій. Это былъ мыслитель, восходившій отъ явленій языка къ высшимъ вопросамъ философіи, поэзіи, искусства, исторіи и общественной жизни. Слушать его—было истиннымъ наслажденіемъ. Слѣдишь бывало за постепеннымъ ходомъ его отвлеченій и умозаключеній и, удивляясь изумительной крѣпости его мысли, силѣ его логики, вмѣстѣ трепещешь, затаивъ дыханіе,—боишься—вотъ-вотъ оборвется, не кончитъ или окончитъ какъ-либо парадоксомъ; какъ вдругъ онъ завершитъ длинную цѣпь своихъ мыслей блестящимъ афоризмомъ, поражающимъ силой выраженія, глубиной смысла и широтой объема, ярко освѣщающимъ массу частныхъ фактовъ. Потебня не успѣлъ написать и напечатать того, о чемъ онъ думалъ и говорилъ. Жаль, что кругъ его слушателей былъ слишкомъ ограниченъ и между ними было мало подготовленныхъ къ воспріятію и усвоенію его сужденій!

Замѣчательной личностью Потебня былъ и по нравственнымъ своимъ достоинствамъ. Это былъ человѣкъ высочайшей честности, непреклонной прямоты и совершеннѣйшей искренности своихъ воззрѣній, правилъ и поступковъ. Самъ не отступавшій отъ своихъ высокихъ идеаловъ, Потебня безпощаднымъ словомъ мѣткаго и суроваго обличенія мужественно казнилъ другихъ за отступленія отъ идеаловъ правды и добра. Владѣя богатѣйшимъ запасомъ словъ и выраженій русскаго народнаго языка, Потебня однимъ мѣткимъ словомъ, кстати сказанной пословицей могъ, какъ говорится, уничтожить человѣка. Впечатлѣніе его слова усиливалось живой игрой его глазъ и лица красиваго, изящнаго, благороднаго, способнаго выражать оттѣнки разнообразныхъ чувствъ—отъ кроткой и нѣжной привязанности, тонкаго и изящнаго «малороссійскаго» юмора до самой злой желчи и всекарающей сатиры.

Какъ университетскій преподаватель, Потебня стоялъ на всей высотѣ своего положенія. Это былъ профессоръ въ вышемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова—профессоръ «отъ головы до ногъ». Его просвѣтительная дѣятельность не ограничивалась стѣнами аудиторіи и университета, по вечерамъ она переносилась въ его кабинетъ, и вотъ здѣсь то Потебня являлся во всемъ блескѣ своего таланта, поражая слушателей колоссальной эрудиціей и замѣчательной силой и гибкостью своего ума. На студентовъ, своихъ учениковъ, онъ оказывалъ сильное, неотразимое вліяніе, оставлявшее неизгладимые слѣды на всю жизнь. Они преклонялись предъ его научною дѣятельностью,

благоговѣли передъ его честностью и правдой. Всегда строгій къ себѣ и другимъ, рѣдко улыбавшійся, всегда сосредоточенный,—онъ внѣшнимъ своимъ видомъ внушалъ почтеніе. Мы не знали за Потебней отклоненій отъ правилъ законности, честности, правды и добра, и онъ казался намъ олицетвореніемъ идеала въ дѣйствительности. И ему были близки интересы студентовъ. Въ этомъ человѣкѣ, съ виду сухомъ, холодномъ, и подчасъ и рѣзкомъ, билось нѣжное и любящее сердце. Для его слушателей всегда была открыта дверь его дома. Студентамъ онъ никогда неотказывалъ въ своей нравственной помощи. Тяжело больныхъ студентовъ-бѣдняковъ, нуждавшихся въ особой помощи, Потебня посѣщалъ на квартирѣ, дѣлая это такъ, что объ этомъ знали немногіе. Онъ никогда не искалъ популярности; студентовъ влекло къ нему обаяніе его высоко-нравственной личности. Вслѣдствіе этого между Потебней и его учениками устанавливалась крѣпкая нравственная связь. Образомъ Потебни, обаяніемъ его личности жили и живутъ разсѣянные по разнымъ провинціальнымъ закоулкамъ его бывшіе слушатели—учителя русскаго языка и словесности. Для нихъ Потебня—символъ всего лучшаго въ природѣ человѣческой, яркій лучъ свѣта изъ временъ студенчества.

Кому изъ бывшихъ его слушателей случалось пріѣзжать въ Харьковъ, тотъ считалъ нравственной потребностью побывать у него, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостью, освѣжиться въ бесѣдѣ съ нимъ. И къ нимъ покойный относился замѣчательно тепло, съ сердечнымъ отеческимъ участьемъ къ ихъ нуждамъ, радости и горю. Распросамъ, разговорамъ конца небыло; субботніе вечера въ домѣ покойнаго затягивались далеко за полночь.... И измученные дрязгами житейскими уходили отъ него, очарованные его рѣчами, ободренные свѣтлой вѣрой въ торжество разума правды и добра, которой самъ покойный былъ глубоко проникнутъ.

Потебня былъ натурой исключительной, человѣкомъ «не отъ міра сего»; такіе люди вѣками появляются. Въ исторіи собственно Харьковской культурной жизни онъ своимъ обаяніемъ, ореоломъ своей славы напоминаетъ извѣстнаго мѣстнаго философа прошлаго вѣка, «украинскаго сократа», Сковороду (1722—1794), изреченія котораго и любилъ приводить покойный.

Вѣчная память тебѣ дорогой,
незабвенный учитель!

Статья А. Горнфельда о лекціяхъ А. А. Потебни (въ 335 № Харьк. Вѣд. 1891 г.).

(Изъ воспоминаній бывшаго слушателя).

Время, непосредственно слѣдующее за смертью выдающихся людей, чаще всего вызываетъ на воспоминаніе; острое чувство потери человѣка дѣлаетъ эти воспоминанія ярче и живѣе. Безвременная смерть А. А. Потебни пришла такъ неожиданно, что не сразу дала возможность опомниться; теперь-же, когда непосредственное ощущеніе тяготы остыло, отстоялось я позволяю себѣ подѣлиться съ другими нѣкоторыми воспоминаніями о лекціяхъ покойнаго профессора. Я не разсчитываю дать что нибудь цѣльное и законченное въ родѣ характеристики профессора—я былъ у него только случайнымъ слушателемъ въ теченіи одного года и центръ тяжести моихъ занятій лежалъ тогда въ другомъ мѣстѣ; я думалъ только почтить дорогую мнѣ память усопшаго, внести и свою долю въ матеріалы для его будущей біографіи и, если удастся, сообщить другимъ хоть незначительную частицу того настроенія, какое создавала для насъ его лекція.

Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ—математикъ: «Пойдемъ, послушаемъ Потебню».—«Вотъ охота,—какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно».—«Нѣтъ, теорія словесности и, право, хорошо».—«Пойдемъ пожалуй». Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій; впечатлѣніе, вынесенное мной изъ первой лекціи, только усиливалось въ теченіи послѣдующихъ; все показалось мнѣ здѣсь новымъ, необычнымъ, своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя,—всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и—самое дорогое въ немъ—чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ.

Уже съ самаго начала васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ каѳедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на вашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ переходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете»?—и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете»—и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ; онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго,—все было разсчитано на то, чтобъ будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло, я сказалъ бы,—такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пассивнымъ слушателемъ, а какъ-бы сотрудникомъ, потому-что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки—наука создавалась здѣсь и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ аудиторіи не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и, на первый взглядъ, несвязанныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно осѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, но совсѣмъ несвязанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода; звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ

сказалъ: «Искусство всегда идетъ впереди науки: ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ небыло никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностью воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ разнообразныхъ и сложныхъ свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной—его строго положительный методъ изслѣдованія, его основныя идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко, только что выхваченное изъ нѣдръ народной жизни, и «Изреченіе» Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Копперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенька и поэма проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, тонкую и остроумную causerie. И заѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтическій, рельефный языкъ - все вело къ тому, чтобъ вполнѣ отдаться содержанію этой рѣчи.

И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произ-

веденій искусства давались такія точныя истинно-научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной постановкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, провѣренный и надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ походя, изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теоріи словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно безпочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было-бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не вялымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противополагалъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи; въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помню, съ улыбкою объяснялъ, что значитъ выраженіе «пальцемъ въ небо», «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно—куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ указать...» И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно—и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрагивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка.

Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертаціи «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать

Центральна наукова

въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя надо надѣяться, будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообѣщающую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложныя явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложныя, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху.

Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о томъ нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессіальныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать кой-что о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ.

Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадно. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міросозерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ, своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка, за теоретическимъ изложеніемъ спеціальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя— насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индефферентизмъ, что даромъ она не дается—

надо имѣть на нее право, что мало хотѣть—надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она, наконецъ,—тоже крестъ, ибо требуетъ жертвъ и приноситъ отвѣтственность.

Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальный удѣлъ философа и теолога,—но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!.. Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ важномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровозрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово»,—новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія. Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Предъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, зачѣмъ мы шли въ университетъ...

Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе „Обзора поэтическихъ произведеній“. Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности въ „потокѣ событій“ и—еще шире—идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. „Мѣдный Всадникъ“, „Германъ и Доротея“. санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ-Злочастьѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики—научнаго изслѣдованія произведеній искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недостатковъ или внѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теорій „прикладнаго“ или „чистаго искусства“; онъ не уходилъ въ библіографическія подробности, онъ наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія—онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и продуманное вставало предъ ученикомъ въ новомъ пониманіи во всей своей цѣлости, красотѣ и глубинѣ; ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика—отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставлялъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе

постольку важно, поскольку оно вноситъ что-нибудь новое; оно велико, если оно—дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно—дѣйствительный «переходъ мысли отъ неизвѣстнаго къ извѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучѣе, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партійная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣе выступало его истинное значеніе,—общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ уясненія самой идеи безконечнаго,—и онъ съумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтичной жизненностью, той доказывающей убѣдительностью, которая давала не мертвое пониманіе сухой схемы, а вѣру—вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той настоящей, большой* истинѣ, намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, томъ-же тембрѣ, въ томъ-же настроеніи. Мы не апплодировали—*это* было важнѣе рукоплесканій,—но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшній день не потерянъ, что жить и работать еще можно—и должно... Такова была эта теорія словесности.

Предо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ—для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый, властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе,—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой неключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи».

И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

А. Горнфельдъ.

Берлинъ,
19/31 Декабря 1891.

Изъ статьи Д. И. Багалѣя въ 54 № Харьк. Вѣд. 1892 г.

Памяти покойнаго А. А. Потебни посвящена статья пр. Н. Ѳ. Сумцова въ журналѣ «Кіевская Старина». Н. Ѳ. Сумцовъ спеціально разсматриваетъ этнографическіе труды А. А. Потебни, на которыхъ другіе критики останавливались очень мало. Даже въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина они не оцѣнены съ достаточною полнотою и глубиною; такова его диссертація «о нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи», таково обширное изслѣдованіе «о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій»; таковы статьи, до сихъ поръ не утратившія своего значенія: о долѣ и о купальскихъ огняхъ, о малорусской пѣснѣ XVI в., о Словѣ о полку Игоревѣ, и о Сборникѣ пѣсенъ Я. Головацкаго (рецензія составленная по порученію Имп. Академіи Наукъ). Но всѣмъ этимъ еще не исчерпываются этнографическія изслѣдованія А. А. Потебни. Н. Ѳ. Сумцовъ еще не разсматривалъ пока самаго крупнаго изъ его трудовъ «объясненія малорусскихъ и сходныхъ народныхъ пѣсенъ» (2-й томъ обнимаетъ 809 страницъ т.-е. болѣе 50 печатныхъ листовъ). Высказывалось мнѣніе, что А. А. Потебня составилъ себѣ славу чисто филологическими работами; но теперь нужно признаться, что очень замѣтный слѣдъ его крупнаго ученаго дарованія остался и въ области этнографическихъ изслѣдованій, особенно болѣе позднихъ; въ такой повидимому спеціальной статьѣ, какъ рецензія на Сборникъ Головацкаго, читатель къ удивленію своему открываетъ цѣлый рядъ глубокихъ философскихъ мыслей о національномъ, денаціонализаціи и т. п. Вотъ основная мысль автора о народности, которая проглядываетъ во всѣхъ его работахъ: «какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были-бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно лучшая народность. Если-бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было-бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ, однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди, для народности — другія народности".

„Въ этихъ словахъ" замѣчаетъ Н. Ѳ. Сумцовъ, „заключается

примиреніе цивилизаціи и національнзма и сознательное служеніе обоимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каѳедрѣ.—во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня—гуманистъ и мыслитель". Если вспомнить какъ покойный А. А. Потебня глубоко изучилъ и понималъ новыхъ русскихъ писателей, въ особенности Пушкина, котораго онъ считалъ геніальнымъ поэтомъ, если собрать во едино его отзывы о нихъ въ публичныхъ лекціяхъ (тутъ онъ касался Достоевскаго, Тютчева), въ замѣткахъ и письмахъ (напримѣръ объ Одоевскомъ, Л. Толстомъ) и въ особенности въ курсѣ теоріи поэзіи, то придется сознаться, что и въ исторіи русской литературы онъ обладалъ огромною начитанностью и тутъ онъ составилъ себѣ самостоятельное мнѣніе о ея важнѣйшихъ представителяхъ; свой интересъ къ малорусской литературѣ онъ достаточно выразилъ изданіемъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки и публичною лекціей въ день его юбилея. Не говоримъ о философіи и исторіи искусства, съ которыми онъ былъ знакомъ весьма основательно. Спрашивается, неужели послѣ этого можно считать А. А. Потебню узкимъ спеціалистомъ, не выходившимъ изъ тѣснаго круга грамматическихъ изученій. Нѣтъ, это былъ европейскій ученый и европейски образованный человѣкъ, направившій всю свою ученость и образованіе на развитіе русской науки; спеціальныя изученія у него органически соединялись съ широкими научными горизонтами; симпатіи къ своей родинѣ и народности—съ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи.

Изъ статьи И. В. Нетушила 1889 г.

Сочиненіе профессора Харьковскаго Университета, Ал. Ѳ. Потебни, подъ общимъ заглавіемъ «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», вышедшее *вторымъ* изданіемъ (явленіе само по себѣ для ученой диссертаціи столь рѣдкое!) было издано впервые въ двухъ частяхъ: одна, заключающая въ себѣ «Введеніе», печаталась въ Воронежскихъ Запискахъ, другая же въ Харьковѣ, почти одновременно съ первой (въ 1874 г.). Прошло съ тѣхъ поръ болѣе десятка лѣтъ, и тѣмъ не менѣе трудъ проф. Потебни все еще продолжаетъ стоять на высотѣ современнаго языковѣдѣнія, заключая въ себѣ по истинѣ послѣднее слово науки по затронутымъ вопросамъ. Мало того: сочиненію этому повидимому суждено еще въ будущемъ долго играть роль первостепеннаго пособія, необходимаго для всякаго, кто будетъ заниматься русскимъ языкомъ дѣйствительно научнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что языковѣдѣніе, изслѣдующее языки индоевропейской отрасли, вращается все еще главнымъ образомъ въ области фонетики и морфологіи, въ то время какъ изученіе синтаксиса по сравнительному методу даже на родинѣ сравнительнаго языковѣдѣнія сосредоточивается до сихъ поръ почти-что въ одномъ только лицѣ (Дельбрюкѣ). А между тѣмъ еще 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи появилось сочиненіе, рѣшавшее вопросы русскаго синтаксиса на такихъ основаніяхъ, которыя современной наукой признаны обязательными для будущихъ синтактиковъ, и въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ труда проф. Потебни. Къ этому присоединяется еще удивительное умѣнье вносить въ сравнительную грамматику элементы философіи языка такимъ образомъ, что одна сторона дѣла гармонически дополняетъ другую, находясь съ ней въ самой тѣсной связи. Искусное сочетаніе историческо-сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтактическимъ изслѣдованіямъ проф. Потебни особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія. Сочиненіе проф. Потебни останется поэтому всегда цѣннымъ, даже тогда, когда оно не будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ до сихъ поръ.

Еще первое изданіе «Записокъ по русской граматикѣ» обратило на себя заслуженное вниманіе, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Наша академія наукъ, еще раньше избравшая проф. Потебню своимъ членомъ-сотрудникомъ, за это сочиненіе присудила ему Ломоносовскую премію, при чемъ академикъ И. И. Срезневскій въ своемъ отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи, читанномъ въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ 29-го декабря 1875 года, заключаетъ свой отзывъ о «Запискахъ» слѣдующими словами: „Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку, такъ что если теперь кто-нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія и не возьметъ въ помощь себѣ «Записокъ» Потебни, онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ». Подобнымъ образомъ академикъ В. Ягичъ, въ рецензіи на книгу Потебни, помѣщенной въ его же журналѣ «Archiv für slavische Philologie» за 1876 годъ (стр. 166), охарактеризовавъ трудъ проф. Потебни въ общихъ чертахъ, продолжаетъ: «Эти достоинства даютъ этому труду право на весьма почетное мѣсто въ ряду не особенно многочисленныхъ изысканій изъ области историческо-сравнительной литературы; сочиненіе проф. Потебни является достойнымъ соперникомъ синтаксиса Миклошича». А профессоръ А. Котляревскій (Библіологическій опытъ древней русской грамматики. Введеніе. Воронежъ 1881, стр. 169) даетъ слѣдующій отзывъ: «Записки по русской грамматикѣ“ имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матеріаломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ—еще не было въ нашей филологической литературѣ».

Второе изданіе удерживаетъ всѣ статьи перваго и въ томъ же порядкѣ, но въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Исправленіе и дополненіе коснулось всей книги во всѣхъ ея частяхъ, но въ особевности подверглась ему знаменитая глава X «Введенія», этотъ перлъ всего сочиненія и, можетъ быть, даже всей грамматической литературы. Глава эта, трактующая о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи, обладаетъ, особенно въ теперешнемъ видѣ, такими достоинствами, не

только теоретическими, но и практическими, которыя одну ее уже дѣлаютъ настольной книгой, необходимой для всякаго преподавателя русскаго языка, относящагося серіозно къ своему предмету. Изъ дополненій къ этой главѣ обращаетъ на себя особое вниманіе обширное примѣчаніе (на 4 страницахъ 78—81), посвященное вопросу о томъ, составляетъ ли глаголъ необходимую часть предложенія или нѣтъ, и находящемуся въ связи съ нимъ вопросу о предикативности имени. Не смотря на многочисленныя дополненія, обѣ части умѣстились въ одномъ большомъ томѣ въ 535 страницъ, благодаря компактности принятаго для 2-го изданія шрифта.

Статья Б. М. Ляпунова въ I вып. „Живой Старины“ 1892 г.

29-го ноября скончался профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Смѣло можно сказать, что въ немъ мы потеряли ученаго, которымъ должна гордится не только русская и славянская, но и обще-европейская наука. Въ виду выдающагося положенія, какое покойный занималъ въ ряду современныхъ славистовъ и вообще филологовъ, а также въ виду неоцѣнимыхъ качествъ его души, съ другой стороны въ виду страннаго незнанія о его заслугахъ не только среди нашего образованнаго общества, но даже среди персонала учителей русскаго яз. и словесности, я рѣшаюсь представить краткія біографическія свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать, и познакомить немного съ содержаніемъ главнѣйшихъ трудовъ покойнаго, прибавивъ и свои личныя воспоминанія.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня [1]) происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, гдѣ и родился. Родовое имѣнье его въ формулярномъ спискѣ значится въ селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., но не знаю, осталось ли тамъ что нибудь теперь. Родители Александра Аѳанасьевича—Аѳанасій Еѳимовичъ и Марья Ивановна (урожденная Маркова)—природные малоруссы. Отецъ въ молодости былъ въ военной службѣ, а потомъ одно время по частнымъ дѣламъ жилъ во Владимірской губерніи.

Родился А. А. 10 сентября 1835 г. и былъ старшимъ изъ всѣхъ братьевъ (10 сент. 1891 г., по словамъ жены, ему исполнилось 56 лѣтъ, а въ формулярномъ спискѣ, составленомъ 1887 г., но, можетъ быть, раньше 10 сент., сказано, что ему 51 годъ). Семи лѣтъ онъ былъ отданъ въ Радомскую гимназію, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Благодаря этому обстоятельству, А. А. хорошо изучилъ польскій яз., такъ какъ въ этой гимназіи преподаваніе было на польскомъ яз.

[1]) Для біографическихъ свѣдѣній я пользуюсь во первыхъ автобіографіей покойнаго, напечатанной въ прилож. къ III т. „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, во 2-хъ тѣмъ, что мнѣ удалось слышать отъ него самаго и близко его знавшихъ, въ 3-хъ—формулярнымъ спискомъ, хранящимся въ архивѣ Харьковскаго университета.

Неполна 16-ти лѣтъ въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Вслѣдствіе того, что большую часть дѣтства А. А. провелъ не дома, онъ почти незналъ своихъ младшихъ братьевъ, а съ сестрой, которая родилась уже безъ него, познакомился только 16-ти лѣтъ. А. А. поступилъ сначала на юридическій факультетъ, но въ слѣдующемъ году перешелъ на историко-филологическій. Въ университетѣ онъ сблизился съ М. В. Нѣговскимъ, „любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень“, библіотекой котораго и пользовался. Преподавательскій персоналъ въ то время въ Харьковскомъ университетѣ былъ далеко не блестящій. Русскій яз. читалъ А. Л. Метлинскій, добрый и симпатичный человѣкъ, но по словамъ А. А., слабый профессоръ. Его сборникъ „южно-русскихъ народныхъ пѣсень“, по признанію Ал. Аѳ., былъ первой книгой, научившей А. А. присматриваться къ явленіямъ языка. Судя по описанію личности А. Л. Метлинскаго и его симпатичныхъ взглядовъ на отношеніе нарѣчій и говоровъ къ литературному языку („Истор. рус. этногр.“ Пыпина, т. III, ст. 146—148), можно думать, что этотъ человѣкъ оказалъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на Ал. Аѳ.—ча. Черезъ Н. А. Лавровскаго, перешедшаго съ каѳедры педагогики на каѳедру русской словесности, А. А. познакомился съ сочин. И. И. Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій“. Это сочиненіе, гдѣ впервые такъ живописно представлена картина постепеннаго развитія русскаго яз., произвело на А. А. сильное впечатлѣніе. Онъ разсказывалъ мнѣ, что онъ невольно запомнилъ наизусть цѣлыя страницы этого сочиненія и такъ отвѣчалъ на экзаменѣ. Этотъ фактъ, кажется, былъ переданъ Срезневскому, который и пожелалъ познакомиться съ Потебней, когда А. А. былъ потомъ въ Петербургѣ. Въ своей автобіографіи А. А. указываетъ еще, что на него оказало вліяніе сочин. Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которое однако не совсѣмъ ему нравилось, и статья Буслаева „Объ эпической поэзіи“, а затѣмъ, какъ говорилъ мнѣ самъ Ал. Аѳ., только иностранные ученые. Въ 1856 г. А. А. окончилъ курсъ кандидатомъ по представленіи диссертаціи: „Первые годы войны Хмельницкаго“, которая не напечатана. По предложенію Н. А. Лавровскаго, онъ былъ оставленъ при университетѣ и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Какъ казенно-коштный, онъ долженъ былъ однако взять мѣсто комнатнаго надзирателя 1-ой Харьковской гимназіи, но скоро былъ опредѣленъ сверхштатнымъ старшимъ учителемъ русской словесности съ увольненіемъ

отъ должности комнатнаго надзирателя, а 18 декабря 1857 г. былъ прикомандированъ къ университету для преподаванія русской словесности. Черезъ Н. А. Лавровскаго А. А. познакомился съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. Въ 1860 г. 15 Апрѣля А. А. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и по защитѣ диссертаціи „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ (Харьковъ, 1860). 22 Іюня 1860 г. А. А. назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета съ увольненіемъ отъ должности учителя гимназіи, при чемъ въ 1861 г. на него возложены теоретическія занятія по педагогикѣ съ кандидатами педагогами. Въ то же время онъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Въ 1862 г. онъ былъ камандированъ заграницу на два года, но черезъ годъ вернулся и съ 28-го сентября 1863 г. былъ доцентомъ Харьковскаго университета до 1875 г., когда утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, получивъ 28 ноября 1874 г. степень доктора славянской словесности послѣ защиты диссертаціи: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ I—II; оппонентами были профессора М. С. Дриновъ и Н. А. Лавровскій [1]). Заграницей А. А. учился санскриту у Вебера. За это время въ печати появились слѣдующіе труды А. А. Потебни: „Мысль и языкъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1862), „О связи нѣкоторыхъ представленій„ (Филол Зап. 1864), „О Долѣ и сродныхъ съ ней существахъ“ (Древности Труды Москов. Археологич. Общ., т. I), „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго яз.: I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Воронеж. Филолог. Зап. 1866 г.) „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ„ (Москва, 1867, въ 3-мъ вып. Археол. Вѣстн.), „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи“ (Филол. Зап. 1870 и отдѣльно—Воронеж, 1871), наконецъ упомянутое выше сочиненіе „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1-я часть „Введеніе“, напечат. въ Воронежѣ, а 2-я часть„ О составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ яз.“ въ Запискахъ Харьковскаго университета 1874 г.). Съ осени 1875 г. А. А. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго яз. и литературы. Еще въ 1865 г. А. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Москов. Археологическаго Общества. Въ 1877 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены Общ. Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ университетѣ. Въ томъ же году

[1]) М. С. Дриновъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, Н. А Лавровскій и Кирпичниковъ предлагали Ал Ѳ—чу степень доктора до защиты за его прежнія работы, но по своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этого обычнымъ путемъ.

ему присуждена Имп. Академіей Наукъ Ломоносовская премія въ 1,000 руб. за сочин. „Изъ записокъ по рус. гр.“, и онъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1876 г. вышли въ Воронежѣ и Варшавѣ 1-й и 2-й выпуски. „Къ исторіи звуковъ русскаго яз.“; нѣкоторыя главы этого сочиненія были напечатаны также въ изданіи проф. И. В. Ягича „Archiv für slavische Philologie“ III, s. 358—381 („Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus“) и s 614—620 „(Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale“). Въ 1877 г. Александру Аѳанасьевичу присуждена Академіей наукъ золотая Уваровская медаль за разборъ сочин. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“. Въ томъ же году въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ“ напечатана статья А. А—ча „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“, а въ слѣдующемъ году „Слово о полку Игоревѣ“ (Воронежъ, 1878 г.). Въ 1879 г. Академій наукъ присуждена А. А—чу золотая медаль за разборъ труда Я. Ѳ. Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, издан. въ 4 т. Моск. Общ. Истор. и древностей (разборъ напечатанъ въ С.-Петерб., 1880). Въ 1881—1883 г. Варшавскимъ „Филологическимъ Вѣстникомъ“ напечатаны III-й и IV-й выпуски „Къ исторіи звуковъ русскаго яз. Этимологическія и другія замѣтки“. Тѣмъ же „Филолог. Вѣстникомъ“ издано въ 1883—1887 г. большое сочиненіе А. А. въ двухъ выпускахъ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“. Въ началѣ 1887 г. его избрало въ свои члены королевское чешское общество наукъ králevská Ceská společnost Nauk). Въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1887 г. напечатана статья А. А. „Значенія множественнаго числа въ русскомъ яз.“. Въ 1888 г. въ Харьковѣ вышло второе исправленное изданіе сочин. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ I—II. Послѣднее напечатанное сочиненіе А. А—ча было помѣщенно въ выходящемъ съ 1891 г. изданіи Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. О. „Живая Старина“ („Этимологическія замѣтки“).

Въ началѣ 1891 г. ему присуждена была медаль Географическимъ Обществомъ. Кромѣ чисто научныхъ трудовъ и изслѣдованій, подъ редакціей А. А. Потебни вышло прекрасное изданіе сочиненій малорусскаго писателя Г. Ѳ. Квитки (Харьковъ 1887 и 1889 г.) съ соблюденіемъ удареній и тѣхъ мѣстныхъ особенностей Харьковскаго говора, которыя были совершенно стерты въ Петерб. издан. Кулиша 1858 г; въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г. изданы имъ нѣкоторыя сочиненія Артемовскаго-Гу-

лака, по подлинной рукописи автора съ соблюденіемъ его правописанія, а въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. изданы малорусскіе лѣчебники XVIII вѣка.

Какъ мнѣ приходилось слышать, во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу Ал. Аѳ. познакомился съ А. Мажураничемъ (не знаю, въ первую-ли поѣздку или позднѣе), подъ руководствомъ котораго изучалъ сербо-хорватское удареніе; въ Прагѣ А. А. познакомился съ Патерой и Гатталой.

Неутомимо трудовая жизнь, а можетъ быть и нѣкоторыя другія обстоятельства, состарили его не по лѣтамъ. Уже въ 1886 г., когда мнѣ привелось съ нимъ познакомиться, онъ смотрѣлъ старикомъ, очень сухощавымъ, хотя тогда еще бодрымъ и повидимому здоровымъ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь все больше и больше ослабляла его. Почти при всякой легкой простудѣ у него возобновлялся бронхитъ; въ такомъ видѣ напр. я засталъ его весною 1888 г. Весною 1890 г. ему напротивъ повидимому стало лучше; явилась его прежняя живость, которая такъ увлекала на его лекціяхъ 1887 года.

Но съ осени 1890 г. и всю зиму А. А. чувствовалъ себя очень плохо и уже почти не могъ выходить изъ дому; однако, не желая лишать студентовъ своихъ лекцій, приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ и читалъ изъ 3-й части своихъ „Записокъ по русской грамм.“, хотя чтеніе уже замѣтно его утомляло. Это 3-я часть „Записокъ“ особенно заботила покойнаго, и онъ не переставалъ работать надъ нею до самой послѣдней возможности, не смотря на болѣзнь.

Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, врачи открыли у него болѣзнь почекъ, которая и свела его въ могилу. Поѣздка въ Италію, гдѣ онъ провелъ два лѣтнихъ мѣсяца 1891 г., какъ будто [1]) нѣсколько помогли ему и, вернувшись въ Харьковъ, онъ въ сентябрѣ началъ было читать лекціи въ университетѣ, но вскорѣ долженъ былъ прекратить уже навсегда, вслѣдствіе инфлуэнцы, которая сильно его ослабила и усилила приступы болѣзни почекъ; весь октябрь и ноябрь онъ уже почти не вставалъ, хотя по временамъ кажущееся улучшеніе заставляло не терять надежды до конца.

Вотъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ал. Аѳ--ча. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ его научныхъ трудовъ.

---

[1]) Такъ писалъ это слово покойный А. А. согласно съ этимологіей (б у д ь-т о изъ б у д и т о, какъ в з я т ь с я изъ в з я т и с я и т. п), но вопреки оффиціальной орѳографіи

Изъ перечня ихъ мы видѣли, какъ разнообразна его научная дѣятельность. Изслѣдованія о мотивахъ и символахъ народной поэзіи и въ области сравнительной миѳологіи чередовались съ изслѣдованіями по языку, которыя и составляютъ главнымъ образомъ научную славу покойнаго. Въ этомъ отношеніи Потебня былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ новѣйшіе ученые, которымъ приходится все больше и больше спеціализироваться.

Не смотря, однако, на свою многосторонность, Потебня отличался замѣчательной глубиной: многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ въ этомъ сказывается его замѣчательное, изъ ряду вонъ выходящее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ.

Изслѣдованія по языку А. А. Потебни можно раздѣлить на фонетическія, фонетико-діалектическія, этимологическія, семасіологическія и синтактическія. Въ первыхъ затронуты самые важные вопросы фонетики русской и славянской: о полногласіи, о глухихъ звукахъ, о носовыхъ гласныхъ, о переходномъ смягченіи согласныхъ звуковъ. Къ вопросу о русскомъ полногласіи А. А. обращался два раза: первый разъ въ сочин. „Два изслѣдованія“ въ 1865 г., въ которомъ еще считалъ южнослав., ст. слав. и чешск. ра, ла, основную общеславянскою формой, лежащей въ основаніи и русскаго оро, оло (также думалъ и Ягичъ въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.); второй разъ въ 1875 г. въ 1-мъ вып. „Къ исторіи звуковъ“, гдѣ совершенно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Подъ вліяніемъ статьи Бенфея въ „Orient und Occident“ (III, 1—77, 193—256 1864—1865), указывавшаго на появленіе короткой гласной между *р*, предшествуемымъ гласной, и слѣдующей согласной въ языкѣ Ведъ и Зендѣ, а также на сходныя явленія греческ. яз., А. А находя подобное и въ лотышскомъ, приходитъ къ заключенію, что полногласіе было нѣкогда явленіемъ общеславянскимъ: „младъ и молодъ независимо другъ отъ друга изъ мăлăдъ (ст. 119).

Почти въ то же время было признано полногласіе общеславянскимъ I. Шмидтомъ („Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus) и нѣсколько раньше Гейтлеромъ (Staroбulharská fonologie“ 1873).

Это было нѣкоторымъ возвращеніемъ къ старинѣ, такъ какъ еще Максимовичъ въ 1839 и 1848 г, мнѣніе котораго А. А приводитъ (стр. 117—119), считалъ полногласіе общеславянскимъ; также и К.

Аксаковъ (напр. въ разборѣ грамматики Буслаева во II т. сочин., ст. 454), хотя для послѣдняго въ русскомъ яз были обѣ формы — и полногласная (древнѣйшая) и неполногласная (новѣйшая); только въ распоряженіи Максимовича и Аксакова не было тѣхъ научныхъ средствъ, какими обладали ученые 70-хъ годовъ. Для I. Шмидта русское полногласіе было заманчиво, какъ „svarabhakti“; для Гейтлера нужно было объяснить появленіе *а* въ глава, которое не могло явиться иначе, какъ вслѣдствіе удлиненія *о*, явившагося, по его мнѣнію, на славянской почвѣ изъ ă [1]), а причина удлиненія—стяженіе двухъ *о* въ праславянской полногласной формѣ; для А. А. Потебни была важнѣе всего постепеность звуковыхъ измѣненій, и на основаніи этого, полногласіе онъ считалъ путемъ, которымъ изъ galva могло развиться глава и т. п. (этотъ взглядъ на образованіе южнослав. и чешскихъ формъ, мнѣ пришлось слышать отъ него и въ послѣдній годъ его жизни).

А. А. принималъ общеславянское полногласіе въ видѣ двухъ ă передъ и послѣ плавной (Гейтлеръ въ видѣ двухъ *о*, но оба они, по его мнѣнію, явились уже на славянской почвѣ, и первое—изъ кратк. ă), такъ какъ въ то время еще не было высказано въ сравнительной грамматикѣ сомнѣнія въ первичности древнѣ-индійскаго *а*, изъ котораго считались развившимися позднѣе въ европейскихъ языкахъ три звука; *а*, *о*, *е*; только во второй половинѣ 70-хъ годовъ Бругманномъ и Соссюромъ предположено было существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ трехъ гласныхъ: *а*, a_1, a_2 (или *а*, $\breve{a}$ $\breve{e}$) Другіе лингвисты бо́льшею частію не считаютъ необходимымъ ставить посредствующую ступень полногласія, а происхожденіе градъ, глава и т. п., объясняютъ путемъ простой перестановки; такого мнѣнія держался Миклошичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (послѣдн. издан. „Vergl. Gram“ стат. „Ueber d. Ursprung der Worte von der Form trêt u. trat“, „Etymologisches Wörterbuch“), также И. В. Ягичъ и проф. Москов. универс. Ф. Ѳ. Фортунатовъ; по мнѣнію послѣдняго, очень тонкаго и глубокаго фонетика, простая перестановка вполнѣ возможна фонетически и оправдывается многими примѣрами изъ разныхъ индоевропейскихъ языковъ.

Выводы А. А. Потебни относительно носовыхъ гласныхъ („Къ ист. звук.“ I. 211—217 и „Archiv f. slav. Phil.“ III, 614—620) тѣ, что гласн. элементъ въ ѧ и ѫ въ древне-польскомъ и, вѣроятно въ общеславянск. всегда былъ *а* іотован или неотован. Выводъ этотъ для др. польскаго

[1]) Что краткое *а* родственныхъ яз = общеслав. *о*, теперь считается общепризнаннымъ въ лингвистикѣ.

языка нашелъ поддержку потомъ въ спеціальной работѣ Лецеевскаго („Der Lautwert'i der Nasalvocale im altpolnischen", Wien, 1886), хотя выводы послѣдняго вызвали нѣкоторыя сомнѣнія Ягича и Брикнера въ X-мъ т. „Archiv f. sl. Phil." Въ послѣднее время А. А. о носовыхъ не высказывался опредѣленно, такъ какъ вообще вопросы фонетики интересовали его меньше, чѣмъ прежде.

Въ вопросѣ о переходномъ смягченіи Потебня удачно указалъ на параллельныя со славянскими явленія романскихъ языковъ.

Особенно обращу вниманіе на его объясненіе измѣненія *tj* и *dj* и въ связи съ этимъ *kt* передъ *i* или *ь* (ст. слав нешти и существ. нешть, русск. печи, печь и т. п.), которое довольно близко подходитъ къ объясненію проф. Фортунатова, недавно высказанному въ „Archiv f. sl. Phil" XI. 568.

Именно, А. А. предполагалъ, что изъ *tj dj* получалось въ одной группѣ нарѣчій *ч' ч' дж'дж'* которыя лежатъ въ основаніи ст. сл. и болг. *шт, жд:* свѣшта, межда и русск. *ч'* и *дж'* (сохранилось діалектически, но б. ч. измѣнилось въ *ж*): свѣчя, меджя, въ другой группѣ *mjmj* и *djdj*, откуда серб. *mj* и *dj*: свијетља, медја; въ 3-ей—*ч'ч'* и *jj* (изъ *djdj*), откуда хорут. *ч* и *j:* svěca и meja; въ 4-ой—*ц'ц'* и *дз'дз'*, откуда западнославян. *ц* и *дз:* sveča и medza („Archiv f. sl. Philol." III, 600—601, или „Къ истор. звук." II) [1]). При измѣненіи *kti ktь* А. А. предполагалъ смягчающее дѣйствіе *i* (*ь*) на *k* черезъ *t*, измѣнившее *k* въ однихъ нарѣчіяхъ въ *ч'*, въ другихъ *ц'*, а затѣмъ ассимиляцію съ ними слѣдующаго *t*, такъ что результатъ получился тотъ же, что̀ и при *tj*. Въ этомъ объясненіи, какъ и въ выше приведенномъ мнѣніи о полногласіи, сказывается нелюбовь Потебни къ объясненію скачками, а стремленіе во всѣхъ фонетическихъ явленіяхъ видѣть постепенное измѣненіе звука. Статьи Потебни о небности могутъ считаться едва-ли не лучшими изъ того, что̀ вообще писалось объ этомъ вопросѣ

Изъ вопросовъ по исторіи звуковъ русскаго яз. слѣдуетъ обратить вниманіе на мнѣніе А. А. Потебни о времени исчезновенія глухихъ звуковъ („Къ истор. звук." I, гл IV и „Разборъ сочин. Житецкаго, гл. VI). По его мнѣнію, звуки *ъ* и *ь* жили очень долго въ русскомъ яз., а въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняются и до сихъ поръ. Напи-

[1]) Какъ на подобное явленіе болѣе поздняго времени Потебня указываетъ на вост. малорусское *т'т'* изъ *mj*, *д'д'* изъ *dj*: плат'тя, колод'дя, а при болѣе зубномъ *j* является въ бѣлорус —*ц'це, дз'дзе;* если бы *j* было еще болѣе задненебнымъ, могло бы явиться *ч'ч, дж'дж'* Archiv. f. sl. Phil. 597—597.

санія съ чист. *е* и *о* въ рукописяхъ XIV, XV и даже XVI в. вмѣсто ъ и ь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь они въ нынѣшнихъ говорахъ исчезли (Болонескъ, пополонока), съ другой стороны пропускъ ъ или ь на письмѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь слышимъ чистый, свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о томъ, что въ говорѣ писца въ этихъ случаяхъ были глухіе звуки, ибо чистый звукъ, образовавшійся изъ глухого, не могъ бы исчезнутъ потомъ безъ слѣда, а съ другой стороны писецъ не сталъ бы пропускать на письмѣ чистыхъ звуковъ.

Въ томъ же сборникѣ „Къ ист. звук.“ I, укажу на прекрасную статью А. А—ча: „Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ“.

Перехожу къ діалектическимъ трудамъ А. А. Потебни. Въ этой области ему несомнѣнно и до сихъ поръ принадлежитъ первое мѣсто между всѣми, изучавшими научно русскіе говоры. А когда появился его первый трудъ „о звукахъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (1866 г.), научная разработка нашихъ говоровъ была почти не тронута, такъ какъ труды Даля могутъ считаться только собраніемъ богатаго матеріала безъ надлежащей его обработки. Всѣ статьи Ал. А—ча по изученію русскихъ говоровъ („О звуков. особ. рус. нар.“, „О малорусск. нарѣч.“, „Разборъ соч. Житецкаго“ и отдѣльн. замѣтки въ нѣкот. другихъ сочин.) отличаются замѣчательной тонкостью наблюденія, глубиной, осторожностью и оригинальностью выводовъ. Начало русскихъ говоровъ онъ относилъ къ незапамятнымъ временамъ, задолго до появленія письменности и исторію русскаго языка онъ понималъ, какъ исторію русскихъ говоровъ. При этомъ нелишнимъ считаю сообщить взглядъ А. А—ча на говоръ вообще, какъ мнѣ пришлось слышать отъ него въ прошломъ году: строго говоря, говоръ можетъ быть представленъ только однимъ человѣкомъ, такъ какъ нѣтъ двухъ лицъ, говорящихъ вполнѣ одинаково даже въ одной семьѣ; слѣдоват., то, что мы обыкновенно называемъ однимъ говоромъ, есть въ сущности собраніе взаимодѣйствующихъ говоровъ, а потому нѣчего [1]) удивляться, что звуковые законы имѣютъ исключенія, и непремѣнно искать объясненія этихъ исключеній въ звуковой аналогіи; кто выставляетъ положеніе объ отсутствіи исключеній въ звуковыхъ законахъ, тотъ забываетъ, что говоръ въ жизни никогда не существуетъ самъ по себѣ, а всегда нахо-

[1]) А. А. въ послѣднихъ своихъ трудахъ писалъ нѣчего, нѣкого, нѣкода (нѣтъ времени) и т. п., согласно съ этимологіей (см. объясненіе въ сочин. „Изъ запис. по рус. грам.“ II, 423, 2-е издан.), но противъ оффиціально принятаго въ школахъ и учебникахъ.

дится подъ тысячью самыхъ разнообразныхъ вліяній. Вслѣдствіе этого А. А. не любилъ злоупотреблять объясненіями помощью звуковой аналогіи, которыя особенно въ ходу въ произведеніяхъ „ново-грамматической“ школы; онъ находилъ, что, стремясь къ точности въ фонетикѣ, при этихъ объясненіяхъ часто грѣшатъ противъ синтаксиса.

Всѣ русскіе говоры А. А. дѣлилъ на три группы или полосы: 1) сѣверную (говоры сѣверно-великорусскіе — *о*кающіе), 2) среднюю (южно-великорусскіе говоры вмѣстѣ съ бѣлорусскими [1])—*а*кающіе) и южную (говоры малорусскіе опять *о*кающіе). Главнымъ основаніемъ дѣленія у него служила фонетика и преимущественно различное произношеніе гласныхъ въ виду неопредѣленности и неразработанности другихъ отдѣловъ языкознанія. Изъ отдѣльныхъ діалектическихъ явленій едва-ли не въ первый разъ было показано и научно формулировано Ал. А.—чемъ измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ. А. А. указалъ разницу въ измѣненіи неудар. *а* и *е* въ слогахъ непосред. передъ слогомъ ударяемымъ и въ слогахъ черезъ слогъ передъ ударяемымъ (гълава́ изъ голова́ и пирядо́м изъ передо́м) и съ другой стороны въ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, по слабости произношенія равняющемся третьему слогу передъ ударяемымъ (го́лъву изъ го́лову, пе́рид или пе́рит изъ пе́ред, де́рйво изъ де́рево). Въ статьѣ о малорусскомъ нарѣчіи разобрано характерное измѣненіе гласной *ѣ*, а также гласныхъ *е* и *о* въ слогахъ среднихъ, при чемъ объяснены всѣ разнообразія этихъ измѣненій въ говорахъ, изъ которыхъ наибольшую старину сохранили сѣверно-малорусскіе говоры (напр. волъ, конь= Заблудов. вуол, куон'=Бѣльск. и Брестск. вюл, кюн'=Кобрин. вул, кун' или вил, кин'=Сосниц. Черниг. губ. вуэл, куэн'=украин. віл, кін').

А. А. первый, кажется, обратилъ вниманіе на важное фонетическое явленіе преимущественно сѣверно-великорусское, которому онъ далъ названіе втораго полногласія („Къ истор. звук.“ I, 85—108); сюда относятся такія явленія, какъ напр. новгородс. верёх, восходящее къ древнему вьрьхъ вмѣсто вьрхъ=нынѣшн. вер'хъ въ другихъ говорахъ (ст. сл. врьхъ). А. А. старался прослѣдить это явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ съ XI-го вѣка и находилъ начало его уже въ древнѣйшемъ памятникѣ Новгородскаго письма, Остромировомъ Евангеліи.

[1]) Что „гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ“, высказано уже И. И. Срезневскимъ („Мысли объ исторіи русск. яз.“, изд. 1887, стр. 36).

Занимаясь этимологіей различныхъ бытовыхъ словъ, Потебня много сдѣлалъ и для исторіи русскаго быта. На лекціяхъ, при чтеніи древнерусскихъ памятниковъ, онъ часто давалъ объясненія многихъ темныхъ юридическихъ и бытовыхъ терминовъ. Можно было удивляться глубинѣ его познаній въ исторіи великорусскаго и особенно малорусскаго быта. Въ IV-мъ вып „Къ исторіи звуковъ р. яз.". онъ далъ объясненія словъ: село, деревня, выть, обжа и мног. другихъ, весьма важныхъ и характеристичныхъ для русскаго быта. Лучшее объясненіе слова „село", принадлежитъ ему: указывая на то, что въ др. русскомъ и старо-славянскомъ („сѣно сельною и т. под.) оно имѣло бо́льшею частью значеніе „земли", „поля", онъ сближаетъ его съ лит. szalis [1]) „сторона", „край" (стр. 4—5) На основаніи стариннаго великорус. выраженія „распахать деревню" и т. подобн. выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что „деревня" есть синонимъ поля, росчисти, А. А. сближаетъ это слово съ литов. dirwà („Acker"), относя къ одному корню съ глаголомъ дьрати (стр. 18—19).

Но главную славу Потебни составляютъ его изслѣдованія по сравнительному синтаксису. Я рѣшаюсь сказать, что въ этой мало разработанной области языкознанія ему принадлежитъ пальма первенства между всѣми славянскими, а можетъ быть, и европейскими учеными. Надо замѣтить, что 1-е изданіе „Записокъ по русск. грам." написано раньше, чѣмъ авторъ успѣлъ познакомиться съ сочин. Миклошича „Vergleichende. Syntax" (1874).

Во 2-й части „Записокъ" разобрано употребленіе падежей и неопредѣленное наклоненіе; особенное вниманіе обращено на употребленіе двойныхъ падежей. Всего прежде идетъ рѣчь о составномъ сказуемомъ, указывается на сочетаніе причастій дѣйств. съ 16 смь, буду въ именит. над. (кромѣ причастъ на лъ); А. А. кажется, впервые разрушилъ убѣжденіе, что подобное употребленіе причастій въ древнемъ яз. зависитъ отъ буквальнаго перевода съ греческ.; онъ привелъ такіе примѣры, гдѣ наоборотъ въ греч. стоитъ verb. finit., а въ славянск. причастіе съ вспомог. глаголомъ. Указано на самостоятельность причастія въ древнерусск, ст.-славян, другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, литовскомъ и греческомъ, благодаря которой причастіе могло отдѣляться отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ („вставъ, и рече", стр. 187). Но мѣрѣ того, какъ причастіе становилось дѣепричастіемъ, подобные обо-

[1]) Хотя не менѣе вѣроятно и сближеніе съ лат. solum „почва" и м. б. литов. salà „островъ", которое высказано на стр. 2 того же сочин, но потомъ оставлено вслѣдствіе лит szalis.

роты становились все менѣе возможными. А. А. предполагаетъ, „что въ концѣ XIV в. причастія дѣйствительныя аппозитивныя были уже только въ книжномъ яз., и дѣепричастіе, какъ вполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго (стр. 182). „Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ яз. и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и ...въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее“ (стр. 194). Вслѣдствіе этого возможны были въ древнемъ яз. такіе примѣры именит. самостоят., какъ Новгор. I. 1: А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити (стр. 196).

Далѣе объяснено употребленіе причастія въ смыслѣ сказуем. придат. предложенія, связаннаго съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относит. слова, весьма обычное въ ст. слав, др. русскомъ и старо-чешскомъ: нѣсть, къто ихъ при[illegible]млѧ. Изборн, 1076 г., невѣдяху бо, камо бѣжаще. Ипат. 156 (480), Nenie, kto co povĕda Alexandr. и т. п. (ст. 205, 206, 212). Остатки подобныхъ оборотовъ А. А. указываетъ и въ нынѣшнихъ говорахъ: вел.-рус. „кто кого смога...“, малорус. Чумакъ, кого здря, такъ и часту[illegible] (ст. 217). Въ литовскомъ и латышскомъ подобное же: jie neżino, ką darą. Лук. 23.34=букв. невѣдѧть, чьто творѧще.

На стр. 231—299 разобрано употребленіе причастій прошедш. на *л*, указано обращеніе ихъ въ прилагат. въ русск. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, разница въ употребленіи русскихъ причастій на *л* съ польскими и чешскими: польск. донынѣ употребляетъ членныя причастія на *л*, не превращая ихъ непремѣнно въ прилагательныя: ciasto dobrze wykisiałe—выкисшее тѣсто и т. п. (242); указаны способы употребленія прич. на *л* при различныхъ временахъ вспомогат. глаг: [illegible]смь, бѣхъ быхъ (условно — желать.), бѫдѫ (буду); употребленіе послѣдняго съ причаст. при условныхъ союзахъ вызвало условное значеніе буду, откуда великорусск. буде (3 л. ед. ч.) въ смыслѣ условнаго союза.

Переходя къ употребленію вторыхъ косвенныхъ падежей, А. А. остановился на характерномъ свойствѣ перваго винит. въ др. русскомъ и нѣкоторыхъ новыхъ славян. нарѣчіяхъ, общемъ съ лотышскимъ, по которому послѣ глаголовъ: „sentiendi“, „cognoscendi“, „declarandi“ можно было употреблять безпредложный винит. не только непосредств. пред-

мета воспріятія, но и дальнѣйшаго, что̀ мы теперь обыкновенно замѣняемъ оборотомъ съ предлогомъ про или *о*: слышавъ смерть Изяславлю Ипат. 77 (328), увѣдаша Пльсковичи погоню Новгор. 1,59, великорус. сказываетъ журавля на соснѣ. Даль, послов. 872, малорус. Спустимося вниз по Дунаю, Гей по Дунаю под Царегород: Ой чуемо там доброго пана (Костомар. въ малор. сб. Мордовцева, 192), серб. овт*ј*е нама кажу мому неудату (Кар. Пјес 1), лотыш. пасака мамульіню. Спрог. 215 = букв. „сказала матушку“ т. е. „сказала, гдѣ матушка“. Подобное встрѣчается въ санскр. и греч. (ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα πολύτροπον. Od. I, 1) (стр. 300, 302, 303). Ал. Аѳ. видѣлъ въ этихъ оборотахъ остатки такого первобытнаго состоянія мысли, которое „напоминаетъ состояніе дитяти, только что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить не можетъ“ (299—300). Далѣе разсмотрѣны случаи употребленія второго вин. (существ., прилаг., причаст.) 305—325, второго род. (324—330), при чемъ указаны случаи родит. самостоят: того же лѣта исходяча.. приходи Романъ... (Лавр. 329), второго дательнаго: объясненъ дательн. самостоятельный (330—342).

Въ большой главѣ о неопредѣл. наклоненіи А. А. коснулся ограниченія его употребленія въ сербск. и болгар., приведшаго въ послѣднемъ къ потерѣ формы на ти (360—362), подробно разобралъ случаи употребленія неопредѣл. субъективнаго при формальныхъ или близкихъ къ формальности глаголахъ (ст. слав. имаамь, им҃, югозап. рус. маю, малор. иму, ст. сл. хощ҃, др. рус. хочю, серб. от*ј*у и т. п) и при неформальныхъ глаголахъ и сходныхъ прилагат. (стр. 362—382); —неопредѣл. со вторымъ именит. (382—383).

Далѣе употребл. неопредѣл. объективнаго: винит. съ неопредѣл. (384—387), дательн. съ неопредѣл. (388—391), второго дательн. съ неопредѣл. луце же бы потяту быти (кому), неже полонену быти. Сл. о п. Игор. (391 и слѣд.).

Вездѣ приводятся многочисленные примѣры изъ древне-русской письменности и родственныхъ языковъ славянскихъ и неславянскихъ.

Разсмотрѣны обороты неопредѣл. наклоненія, связаннаго съ главнымъ предложен. посред. относит. слова: неим҃ть, чесо ѣсти О. св. Мат. 15,32 (τί φάγωσι), нѣ—камо ся дѣти Лавр. 30, соврем. великор. нѣчего дѣлать, малорус. нічого робити и т. п. (стр. 419—424), неопредѣл. цѣли и слѣдствія (425—434), неопред. съ бы и союзами сложными съ бы (435—443) и абсолютн. неопред. („я знать

не знаю, вѣдать не вѣдаю“) въ сравненіи съ литовск., лотышск. и польскимъ.

Послѣдняя глава посвящена творительному падежу. Чтобы перейти къ творит, замѣняющему вторые согласуемые падежи, столь характерному для славянскихъ нарѣчій, А. А. разбираетъ и другіе находящіеся въ связи съ этимъ случаи творительнаго (соціятивный, мѣста, времени, орудія, при страдат. сказуемомъ, при именахъ и нарѣчіяхъ, творит. причины и образа дѣйствія) 443—534 стр. Творительный, условленный страдательнымъ сказуемымъ, общій славянскимъ языкамъ съ санскритскимъ и языкомъ Вѣдъ, выводится Потебнею изъ творит. орудія изъ всѣхъ, приводимыхъ имъ объясненій другихъ ученыхъ, онъ всего больше согласенъ въ этомъ случаѣ съ Буслаевымъ; но Потебня особенно указываетъ на важность страдательности сказуемаго, которая и отличаетъ этотъ творит. отъ творит. орудія (стр. 367). Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи, извѣстный подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго, принадлежащій „къ своеобразнѣйшимъ явленіемъ славянскаго и литовскаго языка“ (ст. 493, 499), выводится Ал. Ао—чемъ изъ творит. образа въ частномъ случаѣ, какъ „пѣть соловьемъ“, „плыть гоголемъ“, „ити воеводою и т. п. (ст. 502), т. е. изъ того случая творит. образа, когда его субстанція совпадаетъ съ субстанціею подлежащаго: „ити воеводою“ близко къ „стать (быть) воеводою“.

Такимъ образомъ, въ этомъ капитальномъ трудѣ разсмотрѣны А. А. Потебней самыя характерныя, самыя важныя явленія синтаксиса; но, согласно со взглядомъ покойнаго на значеніе словъ „синтаксисъ“ и „этимологія“, о чемъ дальше, вѣрнѣе было бы назвать этотъ трудъ, какъ и всякій сравнительно-историческій трудъ, этимологическимъ, оставляя слово „синтаксисъ“ только для чисто описательныхъ грамматическихъ руководствъ. Во второмъ изданіи „Записокъ“ А. А. уже постоянно ссылается на Миклошича V. Gr. IV, во многомъ расходясь съ его объясненіями. Много ссылокъ и на разные другіе большіе труды (Буслаева, Гатталу, Шерцеля, Дельбрюка), обличаютъ огромную начитанность автора, не помѣшавшую ему быть, однако, вполнѣ самостоятельнымъ и вездѣ высказать свой оригинальный взглядъ. Много замѣтокъ по синтаксису, или, вѣрнѣе, по этимологіи и семасіологіи разсѣяно также въ другихъ сочиненіяхъ А. А.—ча (напр. развитіе значенія нѣкоторыхъ словъ, выраженій, образованіе союзовъ изъ другихъ частей рѣчи и т. под.).

А. А. Потебня былъ представителемъ философскаго языкознанія. Въ этомъ отношеніи изъ западныхъ ученыхъ всѣхъ больше на него оказали вліяніе Вильгельмъ Гумбольтъ („Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts") и Штейнталь („Grammatik, Logik und Psyhologie" и „Characteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues"). Для уясненія этого мы должны обратиться къ сочиненію „Мысль и языкъ", написанному А. А—чемъ въ ранней молодости (въ 1862 г. уже напечатано); но, не смотря на то, что автору было только 26 лѣтъ, онъ показалъ не только большую начитанность въ классическихъ европейскихъ сочиненіяхъ по философіи и общему языкознанію; но и большую самоотоятельность и глубину мысли. Въ виду библіографической рѣдкости этого сочиненія, рѣшаюсь сообщить въ короткихъ словахъ его содержаніе, выписавъ цѣликомъ болѣе важныя мѣста. Послѣ критики различныхъ мнѣній о происхожденіи языка, начиная съ прошлаго столѣтія, которая заканчивается разборомъ мнѣнія В. Гумбольдта, стоявшаго „на рубежѣ двухъ направленій науки", „геніальнаго предвозвѣстника новой теоріи языка, невполнѣ освободившагося отъ оковъ старой" (т. е. логической грамматики) (Ж. М. Н. Пр. 1862, CXIII, ст. 42), Потебня въ гл. IV-й переходитъ къ вопросу о соотношеніи языкознанія къ психологіи, излагаетъ Гербартову теорію представленій; въ слѣд. главѣ говоритъ о чувственныхъ воспріятіяхъ, затѣмъ о рефлексивныхъ движеніяхъ и образованіи членораздѣльнаго звука; въ VII-й главѣ о языкѣ чувства и языкѣ мысли; въ VIII-й—о словѣ, какъ средствѣ апперцепціи; въ IX-й о представленіи, сужденіи, и понятіи; въ послѣдней X-й о поэзіи и прозѣ. Эта послѣдняя глава особенно важна для уясненія взгляда Потебни на языкъ. Здѣсь онъ различаетъ поэтическое (символическое, образное) и прозаическое мышленіе. Здѣсь же выставлено различіе формы внѣшней (звуковой) слова и внутренней (способа выраженія). Высказывается Гумбольдтовскій взглядъ, что поэзія и проза суть „явленія языка": „Изъ языка, первоначально тождественнаго съ поэзіею, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы „явленіями языка" (ib. CXIV, ст. 109). Указывается на противоположность поэзіи и науки; поэзія мыслитъ конкретно, образами, представленіями, чѣмъ удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное; „наука раздробляетъ міръ, чтобы съизнова сложить его въ строй-

ную систему понятій“ (111 ст.), чего однако никогда почти не удается. Тутъ же высказывается и мысль о субъективности науки, которой А. А. держался до послѣдняго времени: „Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено внѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личнаго творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому—науку, ко второму—искусство“ (стр. 111). Высказывается мысль объ относительности понятій субъективнаго и объективнаго: „Безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени“.. „Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человѣчества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе“ (ib. ст. 122).

Изъ этого сочиненія мы видимъ, какъ рано у Потебни сложился тотъ трезвый взглядъ на развитіе человѣчества, языка и науки, который онъ высказывалъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ (во „Введеніи“ и въ напечатанной 2-й ч. „Записокъ по рус. грам.“). Много подобныхъ мыслей пришлось слышать отъ А. А—ча на лекціяхъ послѣдняго года. Онъ говорилъ, что наука всегда субъективна и національна, такъ какъ есть плодъ усилій немногихъ ученыхъ, находящихся въ зависимости отъ языка, которымъ пользуются; кажущаяся объективность науки достигается только до извѣстной степени по мѣрѣ ея отвлеченности, а потому наименьшей субъективностью отличается математика, хотя всетаки не все равно сказать: „дважды два“ и zweimal zwei“, ибо каждое выраженіе носитъ слѣды своего особаго міросозерцанія.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на науку находится нелюбовь Потебни къ рѣзкимъ и самонадѣяннымъ выводамъ, къ увлеченію одной теоріей въ ущербъ прочимъ. Уже въ 1865 г. онъ писалъ: „Изслѣдователю нечего [1]) бояться упрека въ томъ, что онъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ: если избранный имъ путь оказывается ложнымъ, то для другихъ польза въ томъ, что они увидятъ эту ложность“ („Два изслѣдованія“ I ст. 44 примѣч.). Увлекаясь одной теоріей, мы должны помнить и о предшествующей ей, а также и о томъ, что послѣ насъ другіе создадутъ новую; не слѣдуетъ думать, что мы сказали послѣднее

[1]) Въ сочиненіяхъ 60-хъ годовъ А. А. писалъ это и другія подобныя слова черезъ *е*, согласно съ принятой ороографіей, но позднѣе по требованію этимологіи черезъ *ь*

слово науки, а, какъ ошибались до насъ, такъ и мы можемъ ошибаться, и послѣ насъ всегда будутъ ошибки. Пониманіе языка въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ Ал. Аѳ. высказалъ и въ заключительныхъ словахъ автобіографіи, напечатанной въ приложеніи къ III-му т. „Исторіи русской этнографіи", стр. 423 Пыпина. Такимъ образомъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ—3-й ч. „Записокъ" и „Теоріи словесности" онъ всего больше интересовался тѣми вопросами языкознанія, которые привлекли его вниманіе въ молодости.

До сихъ поръ я почти ничего не сказалъ о 1-й ч. „Записокъ по рус. грам.", въ которой представлена критика опредѣленій корня, формы, предложенія и частей его. На основаніи этого и другихъ сочиненій и лекцій можно опредѣлить взглядъ А. А—ча на языкъ. Вопреки мнѣнію Спенсера, считающаго языкъ тормазомъ мысли, А. А. говорилъ, что мыслить можно только при посредствѣ языка. Языкъ есть живой организмъ, который тѣсно связанъ съ мыслью человѣческой, постоянно измѣняется и, разрушая прежнія формы, постоянно создаетъ новыя. Въ противоположность нѣкоторымъ ученымъ, дѣлившимъ исторію языка на періодъ созданія формъ и періодъ ихъ разрушенія, А. А. говорилъ, что созданіе и разрушеніе формъ одновременны. В. Гумбольдтъ, говорившій о періодѣ созиданія (когда языкъ былъ цѣлью) и періодѣ употребленія (когда языкъ сталъ средствомъ), однако самъ находилъ, что въ дѣйствительности тѣснаго разграниченія этихъ періодовъ не существуетъ, а „постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ„ („Введеніе", ст. 49—50). Языкъ, по мнѣнію Потебни, согласно съ этимъ ограниченіемъ Гумбольдта, употребляется и создается въ одно и то же время. Грамматическая форма не есть только звуковое выраженіе, а есть способъ выраженія вещественнаго содержанія, есть значеніе. Вслѣдствіе того, что различныя формы имѣютъ часто одно звуковое выраженіе, ихъ узнать можно только въ рѣчи, въ связи съ другими формами. Вообще всякое слово имѣетъ опредѣленное вещественное и формальное значеніе только въ рѣчи; вырванное изъ связи, оно не имѣетъ смысла. Нельзя на основаніи того, что новые языки имѣютъ меньше звуковыхъ выраженій для извѣстныхъ категорій, чѣмъ древніе, говорить о паденіи формъ. Чтобы узнать, уменьшается ли число формъ въ данномъ языкѣ, нужно сосчитать не число различныхъ звуковыхъ окончаній, а число формальныхъ значеній (стр. 55—56), что̀ обыкновенно не принимается во вниманіе. Противъ различенія формъ этимологическихъ и синтактическихъ (флексивныхъ и

описательныхъ) Потебня находилъ, что всякую форму можно разсматривать и съ этимологической и съ синтактической точки зрѣнія. По его мнѣнію, это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія—описательная, этимологическая—историческая. Какъ вещественное, такъ и формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія (стр. 36—38 2-го изданія „Записокъ“).

Въ оставшейся не напечатанной 3-ей ч. „Записокъ“ А. А. затрогиваетъ такіе глубоко интересные вопросы философскаго языкознанія, какъ образованіе категорій существительныхъ и прилагательныхъ; старается опредѣлить, коково должно было быть первичное имя, и предполагаетъ, что первичное имя было всего ближе къ причастію, т. е. что въ немъ было заключено больше энергіи, чѣмъ въ нынѣшнемъ существительномъ, означающемъ дѣйствующее лицо. Восходя къ древности по памятникамъ древне-русскимъ и старо-славянскимъ, онъ старается указать, что разница между именемъ существит. и прилагательнымъ не была такъ рѣзка, какъ теперь, доказательствомъ чего служатъ такія имена, которыя могли употребляться и въ качествѣ существительныхъ и въ качествѣ прилагательныхъ (прокъ, инокъ и т. п.), а съ другой стороны присоединеніе члена къ именамъ существительнымъ, уподоблявшее ихъ членнымъ прилагательнымъ (дѣвая въ Минеяхъ и друг. памятникахъ); также старается доказать, что древнѣйшее значеніе существит. есть значеніе (имя) дѣйствующаго лица. Эта близость къ прилагательному видна изъ паратактической аттрибутивности существительнаго, массу примѣровъ которой привелъ А. А. изъ древне-русскихъ памятниковъ и народной поэзіи русской и славянской. Эта паратактичность существительнаго при своемъ опредѣляемомъ (церковь—Спасъ, церковь—Софія и т. п. вмѣсто нынѣшняго литерат. ц. Спаса и т. п.) восходитъ къ глубокой древности. Ссылаясь на Шерцля („Синтакс. др. индійск. языка“), А. А. приводилъ уже изъ языка Вѣдъ такіе примѣры, какъ „облакомъ—дождемъ“ (т. е. или „облачнымъ дождемъ“, или „дождевымъ облакомъ“), „ногами слонами“ (т. е. „ногами слоновъ“); но, что особенно важно,—Indraya pataye—„Индрѣ питью“, т. е. для питья; здѣсь въ дательномъ аттрибутивномъ, согласованномъ съ дат. лица, отлагательное существ., и, зная, что славяно-литовское неопредѣленное

наклон. этимологически восходитъ въ дат. и отглагольн. существ (только въ иной звуковой формѣ, чѣмъ приведенная изъ Вѣдъ), мы можемъ себѣ уяснить характерный славяно-литовскій оборотъ дат. съ неопредѣленнымъ.

Скажу теперь немного о другихъ научныхъ трудахъ А. А. Потебни. Они касаются главнымъ образомъ изученія народной поэзіи и народныхъ обрядовъ со стороны ихъ символики и остатковъ языческихъ вѣрованій. А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой миѳологической теоріи, представители которой у насъ Аѳанасьевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А—ча три года назадъ слѣдующія слова: „Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую миѳологію: сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая религія; странно было бы, если бы Славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую миѳологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только вскользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь, если бы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ“, пожалуй, кто нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у Славянъ не было народной поэзіи“. Съ этой точкой зрѣнія написаны нѣкоторыя сочиненія 60-хъ годовъ и особенно „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Первый печатный трудъ А. А—ча былъ посвященъ символикѣ народной поэзіи. Къ этимъ занятіямъ онъ вернулся опять въ концѣ 70-хъ годовъ въ сочин. „Малорусская пѣсня по списку XVI в.“ и „Слово о полку Игоревѣ“, а затѣмъ уже въ 80-хъ годахъ въ большомъ прекрасномъ трудѣ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“; второй выпускъ заключаетъ разборъ поэтическихъ мотивовъ „колядокъ и щедровокъ“. Здѣсь описано много обрядовъ; объяснено символическое значеніе множества пѣсенъ, а иногда цѣлыя страницы этимологическихъ изысканій различныхъ обрядныхъ именъ. Въ I. 16—38 приводится критика того, что до сихъ поръ писалось о Лелѣ и Ладѣ, которыхъ считали многіе изслѣдователи божествами древнихъ Славянъ. А. А. указываетъ на то, что, „Лель, какъ имя божества, не фактъ, а очень шаткая догадка“. Приведя все, что извѣстно

о припѣвкѣ Ладо въ разныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, малорусскихъ, сербскихъ и др., а также этимологію этого слова, А. А въ концѣ говоритъ: „Для миѳологіи положительныхъ результатовъ здѣсь никакихъ“. Во II-мъ вып. стр. 41 повторено объясненіе Авсеня, высказанное раньше уже въ сочин. „О миѳич. значен. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ (мнѣ пришлось его слышать отъ А. А—ча также на словахъ). Находя въ памятникахъ XVII-го вѣка нѣсколько разъ ф. усень (коледу и усень), А. А. предполагалъ, что припѣвка овсень, авсень возникло изъ „ой усень“, „о усень“ (а—въ акающ. говорѣ); усень же возводится къ корню us—, что̀ въ лит. auszrà „утренняя заря“, aüszta „разсвѣтаетъ“, лот. austra—, ст. глав. оу(с)тро, латин urere aurora, греч. ἠώς, скрт. уш, ушас, ôшати, съ начинат. суф. yrhamu; а съ этимъ us онъ считаетъ родствен. vas—, что въ лит. pavasaris iszausztа „весна (свѣтлая) разсвѣтаетъ“. т. е. настаетъ, скр. васанта, слав. весьна, греч. ἔαρ, лат. ver. Суффиксъ въ усень тотъ же, что въ греб-ень и т. п. На стр. 166—167 помѣщена замѣтка о корочунѣ.

Я бы желалъ еще обратить вниманіе на педагогическіе взгляды А. А—ча. Разъ, помню, въ 1887 г. на лекціи онъ сдѣлалъ отступленіе о преподаваніи русскаго яз. въ среднихъ школахъ, имѣя въ виду, что большинство его слушателей будутъ со временемъ преподавателями. По его мнѣнію, языку, а тѣмъ болѣе родному, слѣдуетъ учиться прямо изъ чтенія, не тратя много времени на зазубриваніе грамматическихъ правилъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, неспособномъ понимать отвлеченности грамматики, по его мнѣнію, особенно слѣдуетъ избѣгать подробностей грамматическаго изложенія; кромѣ того, дѣти должны учиться преимущественно въ классѣ, а не отдавать только отчетъ въ своихъ урокахъ, заученныхъ дома. Я помню, что, высказывая этотъ взглядъ, онъ ссылался на Я. Гримма. Въ своей автобіографіи, а также и на словахъ онъ говорилъ про себя, что только потому могъ заняться всю жизнь грамматикой, что никогда не зубрилъ грамматическихъ правилъ. Сбивчивость и неясность ходячихъ грамматическихъ опредѣленій въ нашихъ учебникахъ онъ показалъ во „Введеніи“. Очень удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи способомъ онъ считалъ наглядность и потому находилъ удобными опредѣленія индійскихъ грамматиковъ (bahuvrihu собственно знач. „много рису“, но служитъ для означенія извѣстной категоріи сложныхъ словъ, образованныхъ по тому же принципу).

А. А. былъ образцовый профессоръ. Лекціи его отличались живостью изложенія; часто онъ увлекался и оставался въ аудиторіи сверхъ назначеннаго времени. Но особенно интересны бывали его частныя бесѣды у себя на дому, въ кругу своихъ учениковъ. Онъ обладалъ большимъ запасомъ поэзіи и эту-то поэтическую искру онъ вносилъ и въ свои бесѣды, и въ свои лекціи, и даже въ научныя статьи, не въ ущербъ, однако ихъ серьезности. Эстетическое чутье у него было сильно развито, и онъ всегда умѣлъ по достоинству оцѣнить всякое произведеніе изящной литературы, за которой успѣвалъ слѣдить. Я не засталъ, но мнѣ передавали, что онъ неоднократно читалъ публичныя лекціи о произведеніяхъ новой литературы. Извѣстна статья его о Достоевскомъ; въ бумагахъ сохранились замѣтки о Л. Толстомъ. А. А. былъ превосходный чтецъ поэтическихъ произведеній. Обладая прекраснымъ практическимъ знаніемъ малорусскаго нарѣчія, онъ образцово читалъ лучшія творенія малорусской литературы; но восхищаясь наивной простотой языка старыхъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, Артемовскаго-Гулака и Квитки, онъ не особенно любилъ новыя малорусскія произведенія, написанныя б. ч. искусственнымъ и плохимъ языкомъ; изъ новыхъ онъ хвалилъ только Манжуру, мало извѣстнаго, но даровитаго поэта. Самъ А. А. тоже пробовалъ писать помалорусски: въ бумагахъ сохранился стихотворный переводъ Одиссеи на это нарѣчіе.

Какъ поэтъ и философъ, А. А. былъ большой любитель природы. Каждую весну онъ самъ занимался цвѣтами. Онъ интересовался ботаникой и читалъ Плинія; м. б, эту его склонность унаслѣдовалъ младшій сынъ, избравшій эту спеціальность въ университетѣ. Не лишнимъ считаю напомнить, что эта область естествознанія привлекла знаменитнаго лингвиста Шлейхера и патріарха славяновѣдѣнія Добровскаго.

Въ заключеніе скажу, что, лично знавъ покойнаго, я сохранилъ о немъ самое симпатичное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ. Онъ отличался замѣчательной снисходительностью и доступностью къ молодымъ начинающимъ ревнителямъ науки. Никогда онъ не отказывалъ въ совѣтѣ, указаніи; умѣлъ ободрить слабыхъ духомъ и сомнѣвающихся въ своихъ силахъ; не отказывался просматривать даже не особенно тщательно обработанныя сочиненія. Первое время по пріѣздѣ въ Харьковъ меня заинтересовали лирники и кобзари; я записалъ нѣсколько уже извѣстныхъ духовныхъ стиховъ и скудные остатки малорусскихъ думъ; съ ними я приходилъ къ Ал. Аѳ—чу; и онъ всегда съ удовольствіемъ просматривалъ мои неумѣлыя записи. У А. А—ча не было ни тѣни

ученаго высокомѣрія; онъ терпѣливо выслушивалъ сомнѣнія и возраженія и охотно бесѣдовалъ съ людьми непосвященными въ науку; эти качества находятся въ тѣсной связи съ выше изложенными философскими воззрѣніями его. Въ связи съ этимъ онъ никогда не относился предубѣжденно къ сочиненію только потому, что оно вышло изъ-подъ пера извѣстнаго автора, получившаго репутацію „ненаучности“, и съ терпѣніемъ принимался за чтеніе всякаго сочиненія, предметъ котораго могъ его интересовать; самое слово „научность“ было ему противно.

Вотъ все, что я могъ сообщить объ этомъ выдающемся ученомъ и философѣ и замѣчательномъ человѣкѣ.

Изъ статьи В. И. Ломанскаго (въ I кн. журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.)

29-го ноября скончался въ Харьковѣ заслуженный ординарный профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, что̀ ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ будятъ, поучаютъ и подымаютъ нашъ читающій міръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія знавали профессора Потебню развѣ по имени: печатался въ двухъ, трехъ нечитаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственныя званію никогда не являвшагося въ Петербургъ провинціальнаго профессора и приличныя сему повышенія и награды, на лѣтнее время часто бывалъ увольняемъ въ отпуски за границу.

Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечетъ извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ—что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію.

Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проницательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.

Какъ къ концу дѣятельности великаго основателя славяновѣдѣнія аббата Добровскаго, Россія дала Востокова, разомъ далеко двинувшаго впередъ новую отрасль знанія, а въ пору зрѣлости и наибольшей славы другаго крупнаго слависта на западѣ, Шафарика, Россія трудами и дѣятельностью Прейса, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Ундольскаго, Горскаго, Буслаева, Лавровскаго, Гильфердинга, Тихонравова, Пыпина, далеко распространила и въ ширь и въ глубь изученіе разныхъ частей славяновѣдѣнія, такъ точно ко второй половинѣ самой плодотворной и энергической дѣятельности третьяго большаго слависта на западѣ—покойнаго профессора Миклошича, Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней. Его изслѣдованія по славянской фонологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзіи и мнѳологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, лотышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ и далеко оставляютъ за собою наилучшія, однородныя изысканія профессора Миклошича. Изслѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на западѣ, но можно въ увѣренностью предвидѣть гораздо большее ихъ вліяніе въ будущемъ.

Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражаясь всегда очень сжато, пиша исключительно для ученыхъ, посвящая свое богатое дарованье и свои лучшіе, не щедро отмѣряемые судьбой, годы, русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движенье науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасѣ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области весьма обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ.

Къ великому моему сожалѣнію я никогда не находился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ покойнымъ А. А. Потебней. Только разъ въ жизни случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1862 г. и провести съ нимъ въ самой оживленной бесѣдѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней, теперь рѣшительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая,

блиставшая оригинальнымъ умомъ и богатствомъ продуманныхъ, изъ первыхъ рукъ добытыхъ, свѣдѣній, его любовь и художественная чуткость къ народной поэзіи, его рѣдкое, особенно въ тогдашней молодежи, уваженіе къ свободѣ и разуму народной жизни и мысли, его убѣжденіе въ народности науки въ каждой странѣ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе и внушили мнѣ глубокое къ нему сочувствіе. О встрѣчѣ нашей я ничего не записалъ, подробности нашихъ разговоровъ мною заботы, помню впрочемъ, что кромѣ языка и народной поэзіи шла рѣчь и о русской литературѣ и о разныхъ нашихъ и славянскихъ дѣлахъ. Помню также, что съ глубокою грустью вспомнилъ онъ о своемъ безвременно погибшемъ младшемъ братѣ, жертвѣ юношескихъ увлеченій, передалъ нѣсколько подробностей о лично ему знакомой и высоко имъ цѣнимой писательницѣ нашей—Кохановской. Во второй и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось заочно сойтись съ покойнымъ Александромъ Аѳанасьевичемъ въ началѣ нынѣшняго года. По предложенію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудилъ проф. Потебнѣ свою высшую награду—Константиновскую медаль. Какъ предсѣдательствующій въ этомъ Отдѣленіи, я извѣстилъ и поздравилъ Александра Аѳанасьевича, и мы тогда обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, свою фотографію. Сличивъ ее съ его фотографическою карточкою, данною имъ мнѣ въ 1862 г., я разумѣется, нашелъ его сильно состарѣвшимся; но лица, видѣвшія его прошлую зиму, говорили мнѣ, что онъ исхудалъ, ослабѣлъ и постарѣлъ такъ, что эта фотографія уже не представляетъ настоящаго Александра Аѳанасьевича. Проф. М. С. Дриновъ и самъ Александръ Аѳанасьевичъ писали мнѣ еще зимой, что здоровье его очень плохо и силы слабѣютъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 25-го апрѣля онъ въ заключенье прибавилъ: «За вопросъ о здоровьѣ—благодарю. Все плохо. По утрамъ кое-что ковыряю, какъ старуха чулокъ вяжетъ, при полномъ отсутствіи интереса, спуская петли и роняя спицы. 3-ю ч. Записокъ (по Русской грамматикѣ) нужно еще разъ переписать непремѣнно самому; но она мнѣ уже надоѣла и я не знаю, когда я это сдѣлаю».

Подъ конецъ своей жизни замѣчательнѣйшій русскій филологъ, глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и его историческаго развитія, А. А. Потебня печально глядѣлъ на постановку филологическаго образованія въ русской средней и высшей школѣ. Въ письмѣ

ко мнѣ, отъ 7-го февраля 1891 г., Александръ Аѳанасьевичъ писалъ между прочимъ: «Я немногимъ Васъ моложе: въ этомъ году мнѣ будетъ 56. У меня два сына, къ счастью оба уже въ университетѣ, старшій на математическомъ, младшій на естественномъ. Случилось такъ, что 17 января, когда я получилъ отъ Васъ телеграмму, старшій получилъ (золотую) медаль за сочин(еніе) по механикѣ. На выборъ факультетовъ я не вліялъ, между прочимъ, и потому, что къ своему пристрастія не чувствую. Печальная судьба филологическихъ знаній въ Россіи. Порою кажется, что мы идемъ не впередъ, а назадъ. У насъ въ этомъ году на 1005—32 филолога, въ томъ числѣ по славянор(усскому) отд(ѣленію) м(ожетъ) быть) человѣкъ 5—6, да и то не по призванію, а ради хлѣба. Теперъ у меня (на дому) 3 слушателя, въ томъ числѣ одинъ изъ вашихъ кандидатовъ, Ляпуновъ, который здѣсь держитъ на магистра славянской филологіи. Изъ него будетъ прокъ».

Въ заключеніе нашей памятной замѣтки о дорогомъ покойникѣ позволяю себѣ повторить мой отзывъ о трудахъ Потебни, представленный медальною коммиссіею отдѣленія этнографіи совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о присужденіи проф. Потебнѣ Константиновской медали.

«Перебирая рядъ замѣчательныхъ сочиненій по лингвистикѣ, филологіи и народовѣдѣнію, вышедшихъ у насъ за послѣдніе три года, коммиссія остановилась на трехъ новѣйшихъ трудахъ нашего глубоко-ученаго и высокоталантливаго языковѣда, уже тридцать лѣтъ энергически работающаго на пользу и славу отечественной науки въ области тѣхъ изслѣдованій, которыя, по § 1 Положенія, подлежатъ присужденію Константиновской медали со стороны Отдѣленія Этнографіи: «этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до народовъ, обитающихъ въ Россіи, или соплеменныхъ съ ними, если они привели къ какимъ-либо новымъ и важнымъ результатамъ».

Разумѣемъ три новыхъ труда проф. А. А. Потебни: 1) Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е изданіе Харьковъ. 1889. 535+IV стр. въ 8-ку. 2) Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Воронежъ. 1888. 76 стр. Въ 8-ку. 3) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. Веснянки. Колядки. Щедровки. 2 тома. Варшава. 1883 и 1887. 268 +801 стр. въ 8-ку.

При оцѣнкѣ этихъ трудовъ проф. Потебни, мы обратимъ вниманіе, согласно § II-му Положенія о присужденіи Константиновской медали, и на прежнія произведенія автора.

Постоянными предметами 30-ти лѣтнихъ занятій и изслѣдованій проф. Потебни были: Русскій языкъ въ его повременномъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи, въ связи и въ сравненіи съ родственными языками, то-есть, исторія русскаго языка и русская діалектологія, сравнительно съ исторіею и діалектологіею сродныхъ языковъ, преимущественно славянскихъ и литовско-лотышскаго, или иначе историко-сравнительное изученіе русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ и словарномъ, и такое же историко-сравнительное изученіе народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, возстановленіе пріемами историко-сравнительнаго метода по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій, по разнымъ поэтическимъ образамъ и мотивамъ цѣлыхъ отдѣловъ народныхъ пѣсенъ, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ народовъ.

Высокое образованіе проф. Потебни, вполнѣ знакомаго съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ сравнительнаго языкознанія, изученія народной поэзіи и сравнительной миѳологіи, близкое знакомство съ санскритомъ и зендомъ, съ двумя классическими языками, съ историко-сравнительною грамматикою языковъ германскихъ и романскихъ, глубокое на первоисточникахъ основанное знаніе не только русскаго языка, древняго, стараго и новаго, въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, но и всѣхъ языковъ славянскихъ, равно какъ литовскаго и лотышскаго, —всѣ эти особенности составляютъ рѣдкія и цѣнныя достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если онѣ соединены съ такимъ же глубокимъ знаніемъ народной поэзіи русскаго и всѣхъ славянскихъ племенъ, а также и наиболѣе съ нимъ сроднаго, литовско-латышскаго. Но какъ ни цѣнны и ни почтенны эти качества, они не дадутъ еще полнаго понятія о значеніи его трудовъ для отечественной образованности и для извѣстнаго круга наукъ: сравнительнаго языкознанія, русской и славянской филологіи русскаго народовѣдѣнія, сравнительной исторіи литературъ, народной психологіи, сравнительной миѳологіи. Глубокій и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгій изслѣдователь, проф. Потебня не живетъ процентами съ чужого капитала, не производитъ своихъ наблюденій и изслѣдованій лишь въ подтвержденіе, или на основаніи

лишь постороннихъ соображеній и указаній, чужихъ, часто лишь заимствованныхъ, а не усвоенныхъ и не продуманныхъ идей. Проф. Потебня мыслитъ самостоятельно. Въ избранной имъ области мысли, въ развитіи и сцѣпленіи понятій онъ вращается такъ же свободно, онъ всегда такъ же дома, какъ въ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ звуковъ, корней, реченій, народныхъ поэтическихъ образовъ и мотивовъ. Отличаясь замѣчательною силою анализа, онъ, какъ и истинные художники слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, хранитъ въ себѣ не порванными нити бозсознательнаго поэтическаго преданія и творчества языка, и какъ всѣ высокихъ дарованій ученые, обладаетъ своего рода творчествомъ. Его воззрѣнія и мысли по занимающимъ его вопросамъ всегда отличаются свѣжестью и оригинальностью, а воспринятыя имъ идеи и мысли другихъ дѣятелей всегда имъ усвоены, выношены и переработаны въ его сознаніи. Оттого онѣ и являются у него съ извѣстными ограниченіями или дополненіями, значительно измѣненныя или развитыя далѣе. Въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Потебня, касаясь старыхъ не рѣшенныхъ вопросовъ, всегда подходитъ къ нимъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и открываетъ новыя стороны дѣла; но, требуя постоянно возможно большей «внутренней принудительности доказательствъ, онъ не позволяетъ себѣ забыть «чего нельзя и что возможно» для окончательнаго заключенія при наличномъ запасѣ данныхъ и наблюденій.

Въ своихъ Запискахъ по грамматикѣ, какъ во второй, такъ особенно въ первой общей части проф. Потебня нерѣдко пополняетъ, ограничиваетъ, исправляетъ положенія и мысли о тѣхъ или другихъ вопросахъ по ученію объ языкѣ, высказанныя въ разное время В. Гумбольдтомъ, Боппомъ, Поттомъ, Я. Гриммомъ, Гейзе, Штейнталемъ, Курціусомъ. Шлейхеромъ и друг., и остроумно обличаетъ внутреннюю несостоятельность разныхъ непродуманныхъ формулъ и положеній, встрѣчаемыхъ у нѣкоторыхъ иначе заслуженныхъ ученыхъ, богатыхъ эрудиціею, но болѣе или менѣе слабыхъ по части идей и самостоятельности мысли. Между тѣмъ такого рода непродуманныя формулы и положенія, въ видѣ общихъ мыслей и опредѣленій, попадаются всего чаще въ текущей учебной литературѣ, всего легче проникая въ обиходные курсы и учебники. Проф. Потебня нерѣдко останавливается, особенно во второй части своихъ Записокъ, на обличеніи несостоятельности такихъ положеній и опредѣленій не ради охоты къ обличенію, а потому, что онѣ мѣшаютъ вѣрному пониманію многихъ важныхъ явленій въ исторіи языка и потому, что обличая

односторонность того или другаго взгляда или мнѣнія, онъ лучше успѣваетъ раскрыть правильность и вѣрность выставляемаго имъ воззрѣнія или положенія.

Обширная и глубокая эрудиція, масса фактовъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ древней и старинной русской письменности, памятниковъ народной словесности русской и всѣхъ славянскихъ, а также литовско-лотышской, самостоятельность и оригинальность основныхъ мыслей и замѣчательный даръ проникновенія въ тончайшіе оттѣнки строя русскаго языка сразу завоевали труду проф. Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», еще въ первомъ его изданіи 1874—1877 г., высокое мѣсто въ наукѣ, и русская и иностранная критика не могла тотчасъ же не признать его высокаго значенія, его выдающихся достоинствъ.

Наша Академія Наукъ, по почину Срезневскаго, поспѣшила присудить его автору полную Ломоносовскую премію. Въ своемъ отзывѣ относительно первой части труда профессора Потебни, Срезневскій, между прочимъ, выразился: «Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже, какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же проф. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка, его образованія и преобразованія». О второй же части Срезневскій замѣтилъ: между прочимъ, «Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся: но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ».

Вслѣдъ за отзывомъ Срезневскаго поспѣшилъ и проф. Ягичъ въ своемъ Arch. f. slaw. Phil. высказать свое мнѣніе о трудѣ проф. Потебни. Отмѣтивъ его крупныя достоинства, онъ прибавилъ, что онѣ «даютъ этому труду почетное мѣсто въ небольшомъ и безъ того ряду изслѣдованій въ области историко-сравнительнаго синтаксиса.

Ученикъ проф. Миклошича, г. Ягичъ высказалъ прямо, что «въ славянской грамматической литературѣ трудъ г. Потебни стоитъ рядомъ съ синтаксисомъ Миклошича». Дабы понять настоящее значеніе этихъ словъ, прибавимъ, что по выходѣ синтаксиса Миклошича, Ягичъ въ томъ же Archiv'ѣ высказалъ свое удивленіе „къ этому по его словамъ величественному Thesaurus syntacticus", къ этому обширному труду въ 896 стнаницъ съ небывалымъ дотолѣ богатствомъ примѣровъ изъ древнихъ, старыхъ и новыхъ славянскихъ языковъ (Arch. f, sl. Phil. 1876. B. I.).

Впрочемъ, проф. Ягичъ прибавилъ, что «ближайшее сравненіе этихъ двухъ трудовъ едва ли теперь желательно, такъ какъ изслѣдованія Потебни еще не доведены до конца» (Arch. f. slaw. Phil. 1876 B. II. H. I. S. 166).

Ставя два труда рядомъ, мы извѣстнымъ образомъ уже сравниваемъ ихъ и даже сравнили. Различіе труда проф. Потебни отъ этого труда Миклошича состоитъ не въ томъ только, что онъ не оконченъ, то-есть, что въ немъ, по мысли автора, не всѣ части синтаксиса обслѣдованы, а трудъ Миклошича, по мысли его автора, довершенъ. Если присоединить къ этимъ двумъ частямъ записокъ проф. Потебни по русской грамматикѣ недавно вышедшее новое его превосходное синтактическое изслѣдованіе «Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ» 1889. 76 стр., то мы увидимъ, что по внѣшнему своему виду (547+76=623 стр.) трудъ Потебни составляетъ добрыя двѣ трети труда Миклошича. Такимъ образомъ, хотя трудъ г. Потебни и не оконченъ, но въ немъ синтактическія явленія русскаго языка во всемъ его объемѣ очевидно разсмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать Миклошичъ въ своемъ оконченномъ трудѣ, посвященномъ синтаксису десяти славянскихъ языковъ съ общелитературнымъ русскимъ и малорусскимъ включительно. Вполнѣ признавая крупныя достоинства синтаксиса Миклошича, впервые давшаго заразъ такой обильный запасъ примѣровъ и данныхъ по синтаксису десяти славянскихъ языковъ, не можемъ не обратить вниманія на особенность системы или внѣшняго распорядка всѣхъ этихъ примѣровъ. Сантаксисъ Миклошича раздѣленъ на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ: о значеніи частей рѣчи, вторая о значеніи формъ. Первая часть раздѣлена на семь главъ съ своими подраздѣленіями, а вторая только на двѣ главы съ болѣе многочисленными отдѣлами. Такимъ образомъ видно, какъ были извлечены изъ памятниковъ различные примѣры, и какъ

потомъ они были разложены по рубрикамъ: существительное, прилагательное, родъ, число, числительное имя, мѣстоименіе съ его обычными дѣленіями, нарѣчіе, союзъ, глаголъ съ его отдѣлами. Во второй части идутъ падежи и формы спряженія. Передъ каждой рубрикой есть нѣсколько болѣе или менѣе краткихъ предварительныхъ замѣчаній и затѣмъ идутъ примѣры на данную часть рѣчи или форму въ началѣ изъ ц.-слав., а потомъ изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Возможна и такая точка зрѣнія, по которой сантаксисъ Миклошича, не смотря на свое богатство примѣровъ, окажется далеко не конченнымъ и не полнымъ. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ, о числѣ именъ, окажутся очень краткими (37—51), не будетъ не замѣчено, что между всѣми этими рубриками только разъ попадается слово «предложеніе», именно за именительнымъ падежомъ идетъ небольшой отдѣлъ: subjectlose Sätze (346—369). Во избѣженіе путаницы («лабиринта») Миклошичъ, по собственнымъ его словамъ, предпочелъ размѣстить свои замѣчанія о разныхъ предложеніяхъ по рубрикамъ мѣстоименія, союза и пр. При такой системѣ или расположеніи сыраго матеріала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видѣть отличительныя особенности и разнообразные оттѣнки синтаксиса отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и почти нельзя прослѣдить историческое развитіе ихъ внутренняго строя. Въ трудѣ же проф. Потебни, благодаря его системѣ, мы имѣемъ передъ собою стройное изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличены и отмѣчены различные оттѣнки повременныхъ измѣненій въ строѣ русской рѣчи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Тутъ привлекаются къ сравненію сходныя или различныя явленія историческаго развитія строя другихъ языковъ славянскихъ, а также литовскаго и лотышскаго, а иногда, по мѣрѣ надобности, и другихъ арійскихъ. Въ общемъ введеніи, то есть въ первой части и въ частныхъ главахъ второй части мы постоянно встрѣчаемся съ глубокими мыслями, тонкими наблюденіями и остроумными соображеніями, въ коихъ ярко выступаетъ высокое дарованіе нашего языковѣда. Въ своемъ отзывѣ о трудѣ проф. Потебни Срезневскій не счелъ возможнымъ умолчать о синтаксисѣ проф. Буслаева, въ его исторической грамматикѣ. Дѣйствительно, синтаксисъ составляетъ лучшую часть грамматики Буслаева. Онъ почти на 20-ть лѣтъ предварилъ синтаксисъ проф. Потебни. За Буслаевымъ навсегда останется великая заслуга, что онъ еще въ 1844 г. въ книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» первый у насъ высказалъ въ своихъ синтакти-

ческихъ замѣткахъ (II ч.), что «научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое», и тутъ же представилъ нѣсколько поясненій и примѣровъ изъ древняго, стариннаго и современнаго народнаго и литературнаго языка (стр. 141—163 и нѣсколько далѣе). Въ синтактическомъ отдѣлѣ грамматики Буслаева, наука получила въ первый разъ богатство примѣровъ изъ древней, старинной и современной народной рѣчи, вмѣстѣ съ примѣрами изъ Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и пр. При этомъ Буслаевымъ было высказано не мало частныхъ дѣльныхъ замѣчаній, но справедливость не позволяетъ умолчать, что система Буслаева, вообще вся теорическая сторона его синтаксиса, по большой части, не самостоятельна и довольно слаба. Послѣ труда проф. Потебни еще въ первомъ изданіи (1874 г.) синтаксисъ Буслаева является уже въ значительной степени трудомъ отсталымъ и устарѣлымъ, нельзя по истинѣ не пожалѣть, что педагоги наши доселѣ почти исключительно пробавляются книгою Буслаева и очень мало (не говоримъ объ исключеніяхъ и о непосредственныхъ ученикахъ проф. Потебни) усвоили себѣ глубокіе взгляды и богатыя новыми плодотворными выводами наблюденія Потебни. Разумно усвоенныя почтенною средою нашихъ педагоговъ, они должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и пріемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже не маловажную, практическую сторону синтактическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько даетъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторіею въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и богатятъ ее и какъ предметъ нашего

изученія и какъ литературный нашъ языкъ, то есть, какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства.

Научное значеніе синтактическаго труда проф. Потебни выяснится еще лучше, если, припомнивъ его отношеніе къ однороднымъ трудомъ Буслаева и Миклошича, мы прибавимъ, что по оригинальности воззрѣній, по глубинѣ анализа, по широтѣ и силѣ учености, трудъ А. А. Потебни далеко оставляетъ за собою весьма почтенные труды Даничича, Вальявца, Гатталы, Зигмунда Малецкаго и др. по синтаксису отдѣльныхъ западныхъ славянскихъ языковъ, южныхъ и сѣверныхъ. Можно сказать, что Записки по русской грамматикѣ проф. Потебни занимаютъ въ настоящее время такое же мѣсто въ славянской филологіи по отдѣлу синтаксиса, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введеніе въ исторію чешской литературы и чешская грамматика), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ.

Много важнаго для славянской филологіи и для сравнительнаго языкознанія вообще представляютъ и другіе филологическіе труды проф. Потебни. Такъ, его изслѣдованія подъ скромными заглавіями «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» и замѣчательный разборъ сочиненія Житецкаго, «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (Спб. 1871) внесли въ науку рядъ важныхъ филологическихъ наблюденій историко-географическаго характера и понынѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по русской діалектологіи.

Въ четырехъ выпускахъ изслѣдованій «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ 1876. Варшава 1880, 1881, 1883, содержится нѣсколько высоко замѣчательныхъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской общеславянской филологіи: о носовыхъ звукахъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ, о первомъ полногласіи русскаго языка, о такъ названномъ Потебнею второмъ полногласіи — это явленіе впервые имъ отмѣчено, и терминъ, имъ данный, вошелъ уже въ науку, — о начальныхъ сочетаніяхъ: лы, ры, лу, ру = основнымъ + ал + ар — рядъ примѣровъ или словъ съ начальными лы, ры, лу, ру, приводимыя въ ограниченіе выставленнаго Миклошичемъ положенія, что начальное + ар + ал всегда = слав. ра, ро, ла, ло (раз.роз, ладья, лодья), о нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія нёбности на согласные звуки,

наконецъ, довольно большое изслѣдованіе «Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ». Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ перебираются и разсматриваются, часто съ совершенно новой точки зрѣнія, весьма тонкіе и трудно поддающіеся окончательному разрѣшенію вопросы первостепенной важности для классификаціи славянскихъ нарѣчій и для уясненія ихъ постепеннаго выдѣленія изъ общаго славянскаго пра-языка, для славянской и вообще сравнительной грамматики арійскихъ языковъ, наконецъ, для такого же этимологическаго словаря. Многія изъ высказанныхъ здѣсь проф. Потебнею соображеній достигаютъ полной доказательности, а нѣкоторыя наблюденія, еще такъ сказать не завершенныя, важны тѣмъ, что раскрываютъ новые пути къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія проф. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики и выдаютъ въ авторѣ такого же первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по русской грамматикѣ.

Отчасти въ указанныхъ же статьяхъ и особенно въ другихъ главахъ изслѣдованія «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», подъ заглавіемъ «этимологическія замѣтки», заключаются важныя и часто весьма удачныя разъясненія происхожденія длиннаго ряда словъ велико- и малорусскихъ, польскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, объяснены разныя иностранныя слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, валашскаго и проч. Наконецъ, тутъ же мы встрѣчаемъ многосодержательную статью (48 стр.) подъ заглавіемъ село, деревня и проч.,—это цѣлая прекрасная глава изъ исторіи русскаго языка и быта.

Какъ во многихъ мѣстахъ сантаксиса, такъ и въ этихъ послѣднихъ трудахъ проф. Потебни, при объясненіяхъ отдѣльныхъ народныхъ реченій и оборотовъ малорусскихъ, великорусскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, сильно даетъ себя чувствовать еще другая сторона громадныхъ знаній и высокаго дарованія нашего автора. Разумѣемъ его глубокое изученіе народной поэзіи славянской и литовско-лотышской и его необычную зрячесть и чуткость ко всѣмъ ея особенностямъ, оттѣнкамъ и переливамъ. Эти качества автора стали раскрываться еще въ первыхъ его работахъ, посвященныхъ вопросамъ по народной поэзіи, миѳологіи. Таковы его разсужденія: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Харьковъ. 1860, «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». Москва. 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ». Москва. 1865.

Эти стороны познаній и дарованій прф. Потебни нашли себѣ блестящее выраженіе въ двухъ его небольшихъ, но важныхъ трудахъ: Малороссійская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Воронежъ. 1873, и Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ. 1878, 150 стр. Уже въ первомъ изъ этихъ трудовъ проф. Потебня касался нѣкоторыхъ мѣстъ Слова. Во второмъ онъ представилъ его текстъ «по мѣрѣ разумѣнія» или приготовилъ новое изданіе этого драгоцѣннаго памятника нашей древней словесности. Болѣе крупныя поправки онъ обозначилъ косымъ шрифтомъ, а въ скобкахъ поставилъ чтеніе изданія 1800 г. Текстъ раздѣленъ на небольшія главы; за каждою изъ нихъ слѣдуетъ комментарій. Въ обширной литературѣ о нашемъ драгоцѣнномъ памятникѣ,— отъ начала столѣтія до настоящаго года, она составляетъ цѣлую библіотеку,—нѣтъ сомнѣнія, толкованія и объясненія проф. Потебни занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и принадлежатъ къ наилучшимъ и наизамѣчательнѣйшимъ разъясненіямъ этого перла нашей словесности. Здѣсь ярко выступаетъ даровитость проф. Потебни, его удивительная памятливость, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ, и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа. Здѣсь находится не мало очень дѣльныхъ и мѣткихъ замѣчаній на разныя прежнія объясненія Слова, напримѣръ, Буслаева, Тихонравова, Вс. Миллера, Веселовскаго, Огоновскаго и другихъ болѣе раннихъ толкователей, а также и на переводы Вельтмана, Малашева, А. Майкова....

Въ написанномъ для Академіи Наукъ, замѣчательномъ разборѣ сборника Головацкаго (Пѣсни Галицкой и Угорской Руси) проф. Потебня высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о пѣсенномъ напѣвѣ и размѣрѣ, какъ главномъ руководящемъ началѣ для классификаціи народныхъ пѣсенъ, о необходимыхъ пріемахъ и наилучшемъ, по его мнѣнію, методѣ изученія народной поэзіи.

Эти важныя мысли полнѣе имъ были развиты и примѣнены въ новомъ обширномъ трудѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. I ч. Варшава. 1883. 268+VIII+III стр. въ 8-ку и II ч. Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедровокъ». Варшава. 1887. 801 стр. въ 8-ку.

Въ первой части заслуживаютъ особаго вниманія статьи: «Лелю-полелю, диди-ладо» —гдѣ показано, что ни въ Лелѣ-полелѣ, ни въ

Диди-ладо, нельзя находить ничего миѳическаго, замѣчательное разъясненіе образовъ веснянокъ (верба надъ водою и ремезъ). Что касается второй части, то она не ограничивается замѣтками и наблюденіями относительно лишь однѣхъ колядокъ и щедровокъ, а представляетъ много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, весенніихъ и лѣтнихъ, царинныхъ, лазарскихъ, кралицкихъ, купальскихъ, зажиночныхъ и дожиночныхъ, подблюдныхъ, наконецъ, разныхъ великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ.

Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ въ тысячу слишкомъ страницъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній, и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-лотышскою.

Въ 1890 г. исполнилось 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности А. А. Потебни. Присуждая ему высшую награду за новѣйшія его изслѣдованія, Императорское Русское Географическое Общество достойно почтило многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукѣ этого глубоко-свѣдущаго и высоко-даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества.

Харьковъ, вообще Украина наша всегда можетъ указывать съ гордостью на Потебню, какъ на одинъ изъ своихъ драгоцѣнныхъ даровъ нашей общей русской образованности. Миръ его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, одинъ изъ лучшихъ подвиговъ русской мысли въ области человѣческаго знанія.

Изъ статьи А. С. Будиловича въ (1 кн. Славянск. Обозрѣнія 1892 г.)

Предоставляя дальнѣйшимъ монографіямъ о Потебнѣ полную оцѣнку его заслугъ для русскославянской науки, мы ограничимся лишь общимъ балансомъ оставленнаго имъ литературнаго наслѣдія, съ выдѣленіемъ тѣхъ руководящихъ идей, которыя имъ завѣщаны по русскославянскому языковѣдѣнію и по словесности.

Какъ ни разнообразны труды Потебни по русскославянской діалектологіи, грамматикѣ, миѳологіи и словесности, однако всѣ они представляютъ нѣчто общее и цѣльное какъ со стороны методовъ изслѣдованія, такъ и по извѣстному единству тона, по присутствію одной, постепенно выясняемой идеи и научной системы.

Особенность научнаго метода Потебни заключается въ его рѣдкой цѣльности, при всей сложности входящихъ элементовъ. Другіе языковѣды пользовались обыкновенно или однимъ сравнительнымъ, или только историческимъ, или философскимъ методомъ. Потебня соединилъ ихъ въ одное цѣлое, такъ что его методъ можно бы назвать сравнительно-историко-философскимъ. Въ этомъ отношеніи Потебня всего болѣе напоминалъ Якова Гримма, котораго вдумчивый, пытливый умъ также не могъ удержаться въ рамкахъ какого либо односторонняго метода, а съ удивительной смѣлостью и энергіей прошелъ во всѣхъ направленіяхъ поле германской филологіи. Гримма напоминаетъ Потебня и по любви къ строго-фактической постановкѣ изслѣдуемаго вопроса, причемъ однако оба они не теряются въ массѣ изученнаго матеріала, но господствуютъ надъ нимъ мыслію, руководясь научнымъ методомъ и высшимъ взглядомъ на взаимодѣйствіе матеріи и духа въ явленіяхъ языка.

Истино-философская струя проникаетъ всѣ сочиненія Потебни, начиная съ самыхъ раннихъ его опытовъ по миѳологіи и діалектологіи. Но въ этихъ раннихъ сочиненіяхъ его нельзя замѣтить еще того равновѣсія между фактическимъ матеріаломъ и внутреннею его основою, какого онъ достигъ впослѣдствіи особенно въ „Запискахъ по

русской грамматикѣ“ (1874—1889 г.) и въ Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“ (В. 1883—87).

При поверхностномъ ознакомленіи съ этими капитальнѣйшими сочиненіями Потебни, изъ коихъ одно посвящено столь спеціальному повидимому вопросу, какъ „составное сказумое“, а другое—дробному комментарію къ малорусскимъ обрядовымъ пѣснямъ, можно бы подумать, что сочиненія эти не выходятъ за рамки частныхъ монографій. Но если ближе изучить эти труды въ связи съ другими однородными и вдуматься въ ихъ руководящія начала и ихъ взаимную связь, то намъ представится здѣсь нѣчто очень грандіозное: опытъ перестройки заново важнѣйшихъ отдѣловъ языковѣдѣнія и словесности путемъ примѣненія новыхъ методовъ, по новой системѣ и въ духѣ новыхъ началъ.

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе книги Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ состоитъ не въ томъ только, что онъ пролилъ новый свѣтъ на строеніе и смыслъ одной изъ формъ сказуемаго, а въ томъ, что примѣненіемъ особаго сравнительно-историческаго и психологическаго метода Потебня доказалъ возможность и даже необходимость новой системы синтаксиса, притомъ не русскаго лишь, но и любого другого языка. Особенность этой системы заключается въ томъ, что она выводится изъ языка, а не навязывается ему по готовымъ формуламъ логики или какой либо другой науки. Првда, нѣкоторыя указанія на необходимость такой перестройки синтаксиса были уже ранѣе сдѣланы однимъ изъ учениковъ Вильгельма Гумбольда, Штейнталемъ; но указанія эти имѣли чисто абстрактный, философскій характеръ. Притомъ, предложивъ перестроить синтаксисъ по даннымъ психологіи,а не логики, Штейнталь не пришелъ еще къ выводу, что народная психологія въ этомъ случаѣ выражается въ его формахъ, слѣдовательно въ концѣ концовъ сводится къ этимологіи. Вотъ этотъ-то выводъ и сдѣланъ Потебнею, но не на словахъ лишь, а на дѣлѣ, путемъ примѣненія новаго, этимологическаго принципа къ изслѣдованію формъ сказуемаго. Это сближеніе синтаксиса съ этимологіей, т. е. науки о функціяхъ словъ и словесныхъ группъ съ наукою о строеніи такихъ словъ и группъ, оказалось особенно благотворнымъ еще потому, что Потебня прослѣдилъ взаимныя отношенія этихъ отдѣловъ грамматики не въ одинъ лишь моментъ времени, а на протяженіи многихъ вѣковъ исторической жизни русскаго языка, сравнительно съ языками лѣтскимъ, германскимъ, классическими и другими арійскими. Выводы,

которыхъ достигъ этимъ путемъ нашъ филологъ, были столь же замѣчательны, какъ и неожиданны. Оказалось, что и синтаксическія категоріи языка, которыя прежде считались столь же неизмѣнными, какъ законы логики, на дѣлѣ измѣняются и притомъ одновременно съ измѣненіемъ этимологическихъ формъ и во взаимодѣйствіи съ послѣдними. Это открытіе, не только угаданное, но и доказанное Потебнею, имѣетъ въ языковѣдѣніи такую же важность, какъ ученіе Дарвина объ измѣняемости видовъ въ наукахъ біологическихъ.

Но Потебня не ограничился однимъ признаніемъ этого закона. Онъ успѣлъ показать на нѣкоторыхъ явленіяхъ языка направленіе внутреннихъ его измѣненій, ихъ быстроту, условія и взаимодѣйствіе съ измѣненіями морфологическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ успѣлъ уловить и тѣ психическія ассоціаціи, которыя опредѣлили движеніе языка въ области функціональной, притомъ съ гораздо большею логичностью, чѣмъ напр. Миклошичъ въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ своего синтаксиса.

Дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же взглядовъ является и статья его: „О значеніяхъ множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“.

Конца „Записокъ по грамматикѣ“ мы не имѣемъ, но изъ частнаго письма одного изъ учениковъ Потебни, именно харьковскаго приватъ-доцента Халанскаго, узнаемъ, что при разборѣ его рукописей оказался между прочимъ III-й томъ означеннаго сочиненія. Содержаніе этого тома богато и чрезвычайно интересно. Вотъ нѣкоторыя заглавія: „о происхожденіи существительныхъ; о происхожденіи прилагательныхъ; объ употребленіи прилагательнаго вмѣсто существительнаго; объ употребленіи существительнаго вмѣсто сказуемаго; объ устраненіи подлежащаго“. Трудъ этотъ занималъ все послѣднее время жизни покойнаго и готовъ къ печати, хотя и требуетъ, по словамъ г. Халанскаго, провѣрки по матеріаламъ: Будемъ надѣяться, что харьковскіе ученики и почитатели Потебни издадутъ его въ свѣтъ.

Что касается основныхъ положеній этого III-го тома грамматики Потебни, то они нѣсколько выясняются нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ его автобіографическаго очерка, напечатаннаго въ III томѣ „Исторіи русской этнографіи“ г. Пыпина: «На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія: для публики «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ»; для меня: „Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „О борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ

въ области грамматическихъ категорій (по даннымъ преимущественно русскаго языка)". Тутъ въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестанетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціональной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціальности".

Въ сентябрѣ 1890 года мы имѣли случай лично изъ устъ Потебни слышать развитіе основныхъ положеній этого III тома его грамматики. Онъ предполагалъ доказать, что въ развитіи язычныхъ формъ и значеній, которое совершается по діагонали между именными и глагольными полюсами аріо-европейскихъ языковъ, торжество съ теченіемъ времени все болѣе склоняется къ послѣднимъ. Этотъ выводъ былъ бы конечно встрѣченъ сомнѣніемъ, если-бы не имѣть въ виду, что говоря объ усиленіи глагольности (verbalitas) въ арійскихъ, въ частности же въ славянскихъ языкахъ, Потебня имѣлъ въ виду не столько формы словъ, сколько ихъ идеи и значеніе. Въ этой побѣдѣ глагольности надъ номинальностью или дѣйствія надъ сущностью Потебня видѣлъ нѣчто аналогичное постепенному торжеству драмы надъ эпосомъ и лирикою, какъ болѣе первобытными формами словесности, а вмѣстѣ и признакъ господства духа надъ матеріей въ жизни языка.

Не менѣе глубокое значеніе и научную важность представляютъ и изслѣдованія Потебни по словесности, особенно же его разборъ Сборника червонорусскихъ пѣсенъ Головацкаго и составляющія какъ бы продолженіе этого разбора „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ".

Разсматривая форму и содержаніе народныхъ пѣсенъ какъ органически связанные члены одного и того же физико-психическаго цѣлаго, предполагая между ними столь же тѣсную связь и взаимодѣйствіе, какъ между формою и содержаніемъ слова въ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ убѣжденіи, что форма языка и пѣсни доступнѣе наблюденію, чѣмъ ихъ содержаніе,—Потебня примѣнилъ къ изученію народной словесности тотъ же эмпирическій методъ, который далъ столь блестящіе результаты въ языковѣдѣніи. Стихотворный напр. размѣръ подъ перомъ Потебни сталъ чрезвычайно важнымъ рычагомъ для опредѣленія

генезиса соотвѣтственныхъ произведеній, ихъ относительнаго возраста, фазъ развитія, отношенія къ народной психологіи и къ исторіи. Съ такимъ же успѣхомъ пользовался онъ и другими внѣшними особенностями народныхъ пѣсенъ, напр. ихъ поэтической фразеологіей, различными тропами, условіями стиля, чтобы по внѣшнимъ схемамъ добираться до поэтическаго зерна пѣсни и опредѣлять условія ея развитія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Потебня приблизился къ своду своихъ языковѣдныхъ и словесныхъ взглядовъ въ особомъ курсѣ «Теоріи словесности», который онъ читалъ студентамъ послѣднихъ выпусковъ. Въ этомъ именно курсѣ онъ предполагалъ доказать положеніе, которое считаетъ въ своей автобіографической запискѣ основнымъ вопросомъ языкознанія. Это положеніе выражено словами: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Намъ приходилось лично слышать отвѣты студентовъ и разъясненія профессора по предметамъ этого курса, посвященнаго главнымъ образомъ ученію о тропахъ, въ которыхъ Потебня видѣлъ съ одной стороны зерна грамматической функціологіи (наука о значеніи), съ другой же—элементы миѳологіи и поэзіи, между которыми онъ предполагалъ органическую связь. Тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать отъ г. Халанскаго, что этотъ курсъ теоріи словесности не сохранился въ полномъ видѣ. Есть нѣсколько выписокъ, замѣтокъ, но все это не приведено въ порядокъ...

Въ чемъ же заключается высшее обобщеніе, вытекающее изъ совокупности работъ Потебни? Таковымъ слѣдуетъ, кажется, признать его положеніе объ органическомъ единствѣ матеріи и формы слова, а ровно формы и содержанія пѣсенъ, которое должно быть руководящимъ принципомъ при изслѣдованіи законовъ развитія какъ языка, такъ и народной словесности. Если же единство это въ ходѣ развитія языка и словесности современемъ нарушается, то въ смыслѣ господства силы надъ веществомъ, духа надъ матеріей.

Но быть можетъ самъ авторъ иначе опредѣлилъ бы руководящую идею и главный выводъ своихъ изслѣдованій. Ему не удалось, къ сожалѣнію, сказать послѣдняго своего слова, вывести своды надъ высокимъ научнымъ сооруженіемъ. Но и въ настоящемъ видѣ заслуги его для науки поистинѣ громадны. Ихъ можно сравнить съ заслугами Якова Гримма въ германистикѣ. Вліяніе Потебни еще долго и даже все сильнѣе будетъ сказываться въ развитіи науки о русскомъ словѣ и словесности.

Да позволено будетъ къ этому прибавить отзывъ о Потебнѣ, какъ фолклористѣ, извѣстнаго словинскаго ученаго, профессора Крека въ Градцѣ, изъ частнаго письма его: «Потебню я почиталъ высоко, удивляясь въ его сочиненіяхъ огромной учености, многосторонности и основательности. Его изслѣдованія по народной словесности я считаю самымъ лучшимъ изъ того, что когда-либо и гдѣ-либо было писано по этой спеціальности».

Статья И. В. Ягича въ Archiv für slavische Philologie, B. XIV, 3 h., s. 480.

Professor der russischen Sprache und Literatur an der Universität zu Charkov ist der slavischen Philologie durch den am 29 November a. St. v. J. erfolgten Tod im 58 Lebensjahre entrissen worden. Prof. Potebnja gilt uns als der Begründer einer wissenschaftlichen Dialektologie in Russland; seine tiefsinnigen syntaktischen Forschungen, die sich über alle slavischen Sprachen erstreckten, ohne leider zu Ende geführt worden zu sein, überragen an Fülle und Feinheit der Beobachtungen alles, was die slavische Sprachwissenschaft auf diesem Gebiete aufzuweisen hat. Sowohl dieses Werk als auch die umfangreichen, dem slavischen Volksthum gewidmeten Studien, an denen der Verstorbene seit seiner Jugend mit Liebe, Begeisterung und feinem Verständniss hing, sichern seinem Namen ein bleibendes Andenken in der dankbaren Nachwelt. Unsere Zeitschrift beklagt zugleich den Verlust eines Mitarbeiters und treuen Freundes.

Переводъ—29 Ноября минувшаго года смерть отняла у славянской филологіи Александра Аѳанасьевича Потебню, профессора русскаго языка и литературы въ Харьковскомъ университетѣ, на 58-мъ году его жизни. Проф. Потебня намъ извѣстенъ какъ основатель научной діалектологіи въ Россіи; его глубокомысленныя синтактическія изслѣдованія, которыя простирались на всѣ славянскіе языки, не будучи къ сожалѣнію доведены до конца, превосходятъ полнотой и тонкостью наблюденій все, что̀ можетъ указать въ этой области славянское языкознаніе. Какъ этотъ трудъ, такъ и обширныя изслѣдованія, посвященныя славянскому племени, къ которымъ покойный былъ привязанъ отъ юности съ любовью, воодушевленіемъ и тонкимъ пониманіемъ, обезпечиваютъ его имени неизмѣнную память въ благодарномъ потомствѣ. Нашъ журналъ оплакиваетъ также потерю сотрудника и вѣрнаго друга.

Замѣтка о сочиненіи А. А. Потебни „Мысль и языкъ“.*)

Сочиненіе „Мысль и языкъ“, обнародованное лѣтъ тридцать тому назадъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1862 г., въ настоящее время сдѣлалось большою библіографическою рѣдкостію и даже совсѣмъ почти позабыто. Между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, которое съ теченіемъ времени будетъ только возрастать, такъ какъ трудамъ покойнаго Александра Аѳанасьевича Потебни по изученію русскаго слова принадлежитъ еще будущность.—Въ этомъ своемъ сочиненіи Ал. А—чъ, излагая взгляды Гумбольдта и его школы на отношеніе языкознанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ такъ и по многимъ привходящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкознанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ „Мысль и языкъ“, что читателю, незнакомому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться не яснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ запискамъ А. А—ча по русской грамматикѣ. Здѣсь, разсыпая поражающіе мѣткостію и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явленій, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обобщеніями, полагая, повидимому, что читатели и сами съумѣютъ найти ее при помощи сочиненія „Мысль и языкъ“, представляющаго стройное и полное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ Ал. А—чъ твердо держался до конца жизни, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ оконченный незадолго до его смерти III-й томъ „Записокъ по русской грамматикѣ“, приготовляемый нынѣ его наслѣдниками къ печати. Въ этомъ послѣднемъ и посмертномъ своемъ трудѣ А. А—чъ, разбирая мимоходомъ

*) Изъ записки проф. М. Дринова, читанной въ засѣданіи историко-филологическаго факультета при обсужденіи вопроса о цензурномъ разрѣшеніи на переизданіе этого сочиненія.

нѣкоторыя воззрѣнія, изложенныя въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера— Das Denken im Lichte der Sprache (1887 г.), противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представленіямъ, и вообще грамматики къ философіи. Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося на дняхъ и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Наука о мысли“, кстати замѣчу, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западноевропейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новою книгою англійскаго языковѣда.

Въ виду вышесказаннаго нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ рѣшенію Маріи Францовны Потебни переиздать этотъ столь рѣдкій теперь трудъ покойнаго ея мужа.

М. Дриновъ.

Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ Wisla 1892 г. № 1.

Będąc trzy lata słuchaczem zmarłego profesora, doznawałem na kázdej lekcji wrażenia, jak gdybym pierwszy raz go słuchałła. Były to świetne improwizacje, powiązane w szereg świeżych myśli i głębokich spostrzeżeń, wykłady prawdziwego filołoga i filozofa. Nigdzie ani w kraju, ani za granicą takiego wykładu nie słyszałem. Pod względem charakteru Potebnia wzbudział szacunek powszechny. Był to człowiek nadzwyczaj prawy, zacny, o szerokim widnokręgu. Przekonania jego naukowe pozostawały w harmonji z osobistemi : stawał gorąco w obronie praw jednostek etnograficznych; charakterystyczny był wstręt jego do wszelkich wolapiuków.... Dla tych, którzy znali osobiście Potebnię, pozostanie on zawsze w pamięci, jako uosobienie wyższości inteligiencji, serca i charakteru. Cześć jego pamięci!

Переводъ.—Будучи въ теченіе трехъ лѣтъ слушателемъ покойнаго профессора, я съ каждой его лекціи выносилъ такое впечатлѣніе, точно въ первый разъ его слышалъ. То были лекціи, полныя свѣжихъ мыслей и глубокихъ взглядовъ, лекціи истиннаго филолога и философа. Какъ человѣкъ, Потебня пользовался всеобщимъ уваженіемъ, за благородство души, любовь къ истинѣ и широкое міросозерцаніе Его научныя убѣжденія стояли въ гармоніи съ его личнымъ характеромъ: онъ былъ горячій поборникъ этнографическаго индивидуализма и питалъ отвращеніе ко всякаго рода воляпюкамъ. Для знавшихъ Потебню лично онъ навсегда останется въ памяти, какъ олицетвореніе высшихъ стремленій къ истинѣ и добру.

Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ 5301 № „Новороссійскаго Телеграфа“.

Своими трудами Потебня способствовалъ изученію и познанію роднаго языка. Огромная эрудиція, глубокій умъ и свѣтлый взглядъ дѣлали каждое слово А. А. необыкновенно вѣскимъ.

Въ наукѣ онъ стоитъ уединенно; неимѣя предшественниковъ, онъ не создалъ и школы въ точномъ смыслѣ слова: онъ былъ слишкомъ индивидуаленъ въ своей дѣятельности.

Александръ Аѳанасьевичъ обладалъ познаніями въ различныхъ областяхъ науки. Необыкновенно тонкій цѣнитель искусства, изящной литературы—онъ изумлялъ своихъ собесѣдниковъ остроуміемъ своихъ наблюденій.

Какъ университетскій преподаватель, А. А. неимѣлъ себѣ равнаго. Его лекція была импровизаціей. Слово у него имѣло, такъ сказать, душу.

Равнаго А. А. по благородству, гуманности, стойкости убѣжденій врядъ ли мы когда-нибудь увидимъ. Это былъ человѣкъ, носившій въ своей груди вѣчное стремленіе къ добру и истинѣ, живой примѣръ того, что можно пройти жизненный путь и не потерять вѣры въ идеалъ.

Въ университетской коллегіи Потебня пользовался громаднымъ авторитетомъ. Къ его мнѣніямъ прислушивались и ими руководились

Изъ некролога Потебни въ 2 № „Зори“ 1892 г.

Не заросла, мабуть, травыцею могыла Васыля Мовы, не прыпала ще снигомъ могыла Зинькивського—Певного, а вже нова втрата, нова могыла. А насыпали тую могылу надъ дуже талановытымъ и вченымъ филологомъ, що 30 рокивъ невпынно працювавъ на корысть и славу славянщины, надъ профессоромъ Харькивського университету Олександромъ Потебнею.....

1 грудня о 8 год. зранку вынеслы домовыну зъ небищикомъ до церкви университетскои. Церковь була повнисенька. Небищикъ лежавъ въ домовыни поважный та спокійный На вику домовыни лежало 6 винкивъ, мижъ которыми було три срибныхъ; коженъ винокъ бувъ зъ написомъ. Мижъ звичайнымы лежавъ одинъ оригинальный винокъ, сплетеный зъ стыглого жовтого колоса, мижъ якими булы ростыкани квитки—блакитни несмертельники и билый ромепъ. На билий бынди чернымы фарбами було надруковано: „Видъ украинцивъ слухачивъ О. О. Потебни 1891 г. листопада 29“. Мимо воли винъ нагадувавъ ныву, на якій сіявъ небищикъ. Насиння його ривно и дотепно сыпалося зъ працёвытои рукы.

Изъ Некролога Потебни въ Revue des traditions populaires 1892 I 59—60.

En la personne de M. Potebnia l'Université de Kharkow a perdu non seulement un savant éminent, mais encore un professeur très doué, qui a su créer une pépinière d'élèves..... M. Potebnia était toujours le partisan dévoué de la liberté académique et des droits universitaires.....

Краткіе некрологи были въ Новомъ Времени, Моск. Вѣдом, Рус. Вѣдом, Южн. Краѣ, Зорѣ (львовской), Недѣлѣ, Филол. Запискахъ, Этнограф. Обозрѣніи, Волын. Губ. Вѣд., Варшав. Дневникѣ.

Въ происходившемъ 9 февраля засѣданіи кіевскаго историческаго общества Нестора Лѣтописца П. В. Владиміровымъ сдѣлано обширное сообщеніе о дѣятельности профессора А. А. Потебни. Лекторъ въ своемъ сообщеніи перечислилъ всѣ крупныя заслуги А. А. Потебни и въ особенно теплыхъ словахъ характеризовалъ вліяніе А. А. Потебни, какъ профессора и ученаго, научные труды котораго надолго будутъ служить руководящей нитью для русской филологіи (Х. Вѣд. 1892 г. № 43).

Посмертные матеріалы А. А. Потебни.

(Статья В. И. Харціева).

Бумаги А. А. Потебни еще неразобраны, какъ слѣдуетъ, хотя въ печати сдѣлано было уже нѣсколько сообщеній о посмертныхъ его трудахъ. Въ виду того высокаго интереса, какой имѣютъ эти послѣдніе для читающей и мыслящей публики, я, принимая участіе вмѣстѣ съ другими бывшими слушателями А. А. въ перепискѣ III-го тома Записокъ по грамматикѣ, рѣшился вскользь пересмотрѣть и остальной рукописный матеріалъ, оставшійся послѣ покойнаго. Правда при бѣгломъ просмотрѣ трудно было составить себѣ точное представленіе о томъ, что осталось (я имѣю въ виду разнообразное содержаніе бумагъ); тѣмъ не менѣе, не ограничиваясь сухою описью, постараюсь познакомить и другихъ съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе бумагъ покойнаго и въ какомъ состояніи онѣ находятся.

Девять десятыхъ рукописнаго матеріала, заключающагося въ двадцати объемистыхъ папкахъ, представляетъ ничто иное, какъ замѣтки для себя, въ которыхъ намѣчены лишь вѣхи для будущихъ работъ по изученію русскаго слова съ наскоро, кое-какъ распредѣленнымъ матеріаломъ. На всемъ лежитъ печать недоконченности, внезапнаго перерыва, неисключая и III-го тома записокъ по грамматикѣ, обработкой котораго занимался покойный въ самое послѣднее время, будучи уже тяжко боленъ. Общее впечатлѣніе отъ просмотра бумагъ таково, что мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать объ Ал. Ѳ. тоже, что сказано имъ было когда-то по поводу смерти даровитаго филолога, питомца Харьковскаго университета, Ал. Вас. Попова: „вечіронька на столі, а смерть за плечима“; съ тою только разницей, что тамъ были широкіе планы, намѣренія и научная сила сгибла въ самой завязи, а здѣсь—цѣлый рядъ вопросовъ, интереснѣйшихъ по своей новизнѣ и строго-научному рѣшенію, вопросовъ порѣшенныхъ уже, но ждавшихъ только послѣдней отдѣлки....

Наиболѣе обработаннымъ трудомъ является III-й томъ Записокъ, съ котораго я и начну свою опись. Эти записки, примыкая къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, намѣченнымъ въ первыхъ двухъ томахъ,

находятся въ тѣснѣйшей связи съ перепечатывающимся въ настоящее время раннимъ соч. А. А. „Мысль и языкъ“, такъ какъ отношеніе мысли къ слову составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служитъ вопросъ „откуда и куда мы идемъ“ въ смыслѣ прогресса мысли.

Кромѣ общей заглавной рубрики „Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго“ въ 1-ой папкѣ, содержащей въ себѣ начало новыхъ Записокъ, мы находимъ еще слѣдующія подраздѣленія: первообразна-ли отвлеченность существительныхъ качества? Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ существительныхъ. Грамматическій ходъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго. Содержаніе II-ой папки исчерпывается слѣдующими заглавіями: Аттрибутивность существительнаго; переходъ приложеній въ предложенія. Предикативность существительнаго; вытѣсненіе существительнаго адъективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціяльности предикативнаго имени посредствомъ субъектныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъектныхъ выраженій (Mikl. Subjektlöse sätze“). III-я папка раздѣлена двумя заглавіями: Формальные (синтактическіе) признаки конкретности существительнаго; тождесловіе и сочетаніе синонимовъ. Наконецъ, еще въ одной папкѣ находятся черновыя замѣтки для того же III-го тома; здѣсь среди старыхъ пожелтѣвшихъ листочковъ лежитъ нѣсколько новыхъ листовъ, на которыхъ начата только переписка замѣтокъ подъ рубрикой: Перечисленіе части понятій, выраженныхъ существительными, при обнимающихъ ихъ общихъ (въ древнемъ строѣ рѣчи).

Вмѣсто предисловія въ началѣ новыхъ Записокъ помѣщено нѣсколько общихъ замѣчаній о языкѣ и задачахъ языкознанія; здѣсь разбираются и опровергаются нѣкоторыя положенія Макса Мюллера въ его соч. „Das Denken“..., Спенсера—о методѣ изслѣдованія, и приводятся Гумбольдтовскія теоремы, болѣе обстоятельный сводъ которыхъ находится въ раннемъ трудѣ Ал. Ло. „Мысль и языкъ“. Изслѣдованіе о грамматическомъ родѣ, начатое по поводу книги Вольтера, находится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи разрядовъ существительнаго, каковы имя дѣйствователя (nom. agentis, основная категорія), имя дѣйствія (nom. actionis), имя дѣла—вещи (n. acti) и пр. Здѣсь же помѣщены и замѣтки по поводу статьи Бругмана, утверждавшаго, что грамматическій родъ не находится въ связи съ естественнымъ.

Возраженія Бругману среди этого отдѣла составляютъ незначительную только часть; отдѣльной статьи о книгѣ Бругмана въ бумагахъ неоказалось.

Общее значеніе грамматическаго рода, которое ясно изъ самого заглавія отдѣла, опредѣляется между прочимъ такъ: грамматическій родъ вплетается въ распредѣленіе категорій мысли и является не просто остаткомъ сѣдой старины, наивнаго міросозерцанія, а важнымъ средствомъ приведенія въ порядокъ всего содержанія мысли.

Скромное заглавіе новаго труда по грамматикѣ, какъ и приведенныя выше рубрики недадутъ никакого представленія о содержаніи его. А между тѣмъ это, именно, „Мысль при свѣтѣ языка“ или, лучше сказать „Исторія русской мысли подъ освѣщеніемъ русскаго слова.“ Въ этомъ трудѣ наглядно доказывается мысль, которую не разъ высказывалъ Ал. Ао., что языкознаніе—наука историческая и что оно должно быть вполнѣ національностично. Сочиненіе по своему философскому характеру, какъ и упомянутое уже „Мысль и языкъ“, имѣетъ общій интересъ. Рисуя пріемы древняго строя мысли, прекраснымъ образомъ котораго можетъ служить живопись безъ перспективы (Изъ записокъ, 2 изд., 300) и восходя къ болѣе сложнымъ пріемамъ современнаго языка и мышленія, выработаннымъ вѣками, А. А. даетъ въ новомъ трудѣ новое частное рѣшеніе основной задачи грамматики, состоящей, по его словамъ, въ томъ, чтобы довести до сознанія *цѣли*, преслѣдуемыя языкомъ, какъ орудіемъ мысли, и *средства*, при помощи которыхъ достигаются эти цѣли А цѣли эти состоятъ между прочимъ въ познаніи міра въ тѣсномъ смыслѣ путемъ выдѣленія своего *я*, надъ которымъ трудится и наука и всё человѣчество, идя по различнымъ путямъ, т. е. пользуясь разными языками, какъ орудіемъ познанія. Нѣтъ нужды говорить о важномъ значеніи этого труда для насъ русскихъ, что было бы преждевременно; но нелишне будетъ теперь указать на одну существенную его черту: въ немъ выяснены особенности уложенія мыслей въ русскомъ словѣ, въ постоянномъ процессѣ его измѣненія, совершенствованія. Какъ развивалось русское слово и мысль, это показывается на частныхъ фактахъ: на измѣненіи разрядовъ имени, отъ котораго зависитъ измѣненіе строя рѣчи, пріемовъ мышленія. Общій характеръ этого постояннаго преобразованія, развитія выражается между прочимъ въ томъ, что сопоставленіе (паратактизмъ) замѣняется подчиненіемъ (гипотактичность); живопись безъ перспективы смѣняется стройнымъ изображеніемъ дѣйствительно-

сти, какъ она отражается въ нашей мысли. Анализъ языка, по словамъ А. А. (и это доказано имъ въ послѣднихъ запискахъ), показываетъ также, что ходъ человѣческой мысли идетъ парными толчками, что парность грамматическихъ разрядовъ, типичнымъ и основнымъ образцомъ которой является подлежащее и сказуемое, есть въ тоже время и парность философскихъ категорій; что при этомъ ритмическомъ процессѣ развитія мысли постоянно измѣняются грамматическіе разряды, а вмѣстѣ съ ними и философскія категоріи, субъектъ предикатъ и пр. и такія обобщенія какъ матерія и духъ, субстанція и сила, причина и слѣдствіе. Повсюду попутно съ анализомъ грамматическихъ явленій указывается на человѣкообразность такихъ общихъ понятій и на стремленіе выдѣлить эту человѣкообразность, что не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, ибо мыслить иначе, какъ по-человѣчески т. е. языкомъ созданнымъ и навязаннымъ тысячелѣтіями, человѣкъ не можетъ. Въ иныхъ случаяхъ, говоритъ А. А., печать человѣчности общихъ понятій менѣе уловима, въ другихъ она доступна и обыкновенному сознанію. Таковы, напримѣръ, понятія для выраженія причинности— *вражда*, *любовь*, сходства— *семейство*, *родъ* и то, безъ чего семейство невозможно, *полъ*. Разборъ этихъ понятій идетъ вслѣдъ за отдѣломъ о грамматическомъ родѣ, носящемъ на себѣ слѣды той же человѣчности, II-я и III-я папки заключаютъ массу частныхъ явленій языка, характеризующихъ тѣ же усилія мысли подняться отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ ползанья на четверенькахъ къ быстротѣ телеграфныхъ сообщеній. Важнымъ шагомъ въ этомъ процессѣ видоизмѣненія пріемовъ мысли является аттрибутивность и предикативность имени, выработанная давно уже и ведущая съ одной стороны къ образованію прилагательнаго, отвлеченнаго имени изъ существительнаго первообразнаго, вмѣщавшаго въ себѣ всѣ свойства прилагательнаго, т. е., полную аттрибутивность, качественность, не отвлеченную, а соединенную съ субстаціяльностью, вещественностью; а съ другой—къ замѣнамъ его глагольнымъ сказуемымъ, субъектными и безсубъектными оборотами, анализъ которыхъ, какъ и свойствъ прилагательнаго, ведетъ къ обнаруженію интереснѣйшаго явленія, замѣчаемаго въ языкѣ, именно устраненія субстанцій, становящихся мнимыми, въ рѣчи и въ мысли.

Но на поверхности языка пестрѣютъ слѣды далекаго прошлаго, напр., паратактическія парныя сочетанія и новообразованія по этимъ древнимъ образцамъ, имѣющія уже другое значеніе. Поэтому въ заключеніи труда мы находимъ съ одной стороны указанія формальныхъ

(синтактическихъ) признаковъ конкретности существительнаго, а съ другой опредѣленіе роли тождесловія и сочетанія синонимовъ, какъ средства выражать субъективные оттѣнки мысли и создавать новыя значенія.

Переписка новыхъ записокъ по грамматикѣ, предпринятая бывшими слушателями А. А., нерѣдко обнаруживаетъ, что отдѣлка этого труда далеко еще небыла закончена, что работа мысли остановилась на всемъ теченіи. Среди переписанныхъ набѣло рукою покойнаго листовъ вдругъ попадаются то тамъ, то сямъ листочки или цѣлыя пачки ихъ съ замѣтками и выписками, непріуроченными къ опредѣленному мѣсту, съ черновымъ, неотдѣланнымъ матеріаломъ, изъ котораго не всё еще было извлечено. Кромѣ того повсюду встрѣчаются приписки на поляхъ безъ указанія, куда ихъ отнести. Кто знакомъ съ характеромъ изслѣдованій А. А., съ его пріемами анализа и распредѣленія фактовъ не механически, по внѣшнимъ признакамъ, а по внутренней психической связи, причемъ не упускаются изъ виду самые неуловимые оттѣнки мысли и дѣлаются часто кажущіяся отступленія въ сторону; тотъ пойметъ, какъ трудно теперь, когда духъ его отлетѣлъ, разобраться съ этими приписками, вставками и т. п. Правда въ нихъ большею частью приводятся факты, но послѣдніе нельзя понимать, какъ нѣчто бросающееся въ глаза: въ научномъ фактѣ остается лишь то, что имѣетъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ законамъ и обобщеніямъ. При наличности внѣшней классификаціи, по времени, формальнымъ особенностямъ приводимыхъ фактовъ, всегда надо имѣть въ виду эти обобщенія, которыя часто не даются потебней, а иллюстрируются только конкретными явленіями, типичными образцами. Простая аналогія тутъ непоможетъ; каждый фактъ, незанесенный подъ опредѣленную рубрику, прійдется будущей редакціи разложить про себя, чтобы потомъ пріурочить его къ той или другой группѣ фактовъ.

Въ виду этого по мысли М. С. Дринова пока ведется только механическій процессъ переписки; каждый изъ участвующихъ въ перепискѣ, не выходя изъ положенія трости въ рукѣ книжника, по мѣрѣ силъ своихъ старается, провѣривъ по памятникамъ, передать въ болѣе доступномъ для прочтенія видѣ содержаніе рукописи, незаботясь о группировкѣ фактовъ, исправленіи описокъ, недомолвокъ, неизбѣжныхъ въ черновой работѣ; а на поляхъ дѣлаются приписки карандашемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ошибка обнаружена сличеніемъ выписки съ подлинникомъ и т. п. Переписка ведется на одной сторонѣ листа, что облегчитъ поправки и перестановки при окончательной редакціи.

Вообще можно сказать, что теплое участіе жены покойнаго М. Ф. Потебни, готовность и усердіе бывшихъ слушателей, товарищей и учениковъ его привести въ порядокъ и издать его духовное наслѣдіе служатъ полнымъ ручательствомъ за то, что и новый томъ Записокъ, по грамматикѣ, какъ и другіе посмертные труды будутъ обнародованы, несмотря на всѣ трудности, самымъ тщательнымъ образомъ. Желательно было бы, чтобы при 3-емъ томѣ записокъ былъ приложенъ общій предметный указатель и къ первымъ двумъ частямъ, который кромѣ удовлетворенія общепринятымъ требованіямъ, необходимъ между прочимъ и потому, что въ нихъ повсюду разбросана цѣлая масса драгоцѣнныхъ фактовъ и блестящихъ мыслей, не предполагаемыхъ вовсе заглавными рубриками.

Въ другихъ рукописныхъ матеріалахъ пока не найдено ни одной статьи сколько-нибудь цѣльной, если не считать вполнѣ приготовленнаго къ печати, но нигдѣ ненапечатаннаго отвѣта П. Лавровскому на его разборъ диссертаціи „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ“.

Находящіяся въ 3-хъ папкахъ записки по теоріи словесности въ общей массѣ производятъ впечатлѣніе замѣтокъ для себя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начата была уже обработка черновыхъ набросковъ. Содержаніе этихъ замѣтокъ по тремъ папкамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

1) Исходя изъ общаго положенія, что изслѣдованіе простѣйшихъ явленій жизни даетъ возможность понимать болѣе сложныя и примѣняя его къ языку, А. А. проводитъ параллель между словомъ и сложнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Свойства слова частью аналогичны частью тождественны свойствамъ поэтическаго произведенія. Отношеніе говорящаго къ слову двояко: прежде всего для себя, потомъ для другихъ; въ первомъ случаѣ оно т. е. слово служитъ орудіемъ и вмѣстѣ результатомъ преобразованія мысли, совершенствованія ея производителя, говорящаго; во второмъ оно является средствомъ пониманія. Въ сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ—тоже самое, съ тою только разницей, что различіе обоихъ моментовъ—явственнѣе; положеніе это иллюстрируется Пушкинымъ, Гёте и другими. Вообще А. А. при анализѣ психологіи творчества пользуется всегда признаніями самихъ поэтовъ, уклоняясь отъ апріорныхъ умозаключеній

Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе поэзіи какъ дѣятельности по роду и виду, но безъ той схоластической сухости, какая свойственна такого рода опредѣленіямъ, и указывается разница между искусствами по средствамъ выполненія. Вслѣдъ за рубриками „Родословная искусства", „Поэтъ, публика, критика, толпа" (иллюстраціи изъ Гёте, Пушкина, главнымъ образомъ изъ „Егип. ночей", Тургенева и др.) опредѣляется значеніе поэтическаго произведенія для автора и для публики. Подобно тому какъ слово есть актъ мысли, поэтическое произведеніе сложное разсматривается здѣсь, какъ рѣшеніе задачи, вызванной по Гётевскому выраженію внутреннимъ категорическимъ императивомъ: художника нудитъ создавать образы. Особенное вниманіе обращалъ А. А. на отрицательные типы или отрицательныя черты характеровъ; въ нихъ онъ находилъ важное орудіе личнаго усовершенствованія путемъ объективированія своихъ недостатковъ. Послѣ небольшой замѣтки о видахъ поэтической иносказательности и условіяхъ процвѣтанія и паденія поэзіи идутъ слѣдующія рубрики: Поэзія и проза, какъ два вида мышленія, поэзія и наука (философія), образъ и примѣненіе (элементы поэтическаго мышленія), фактъ и законъ (эл. научнаго мышленія), вдохновеніе (теорія его въ историческомъ развитіи), стыдливость творчества (признанія поэтовъ sub rosa) и наконецъ, народная поэзія: пѣсня, сказка, пословица, поговорка. Здѣсь же находится цѣлый рядъ замѣтокъ возраженій Веселовскому по поводу его взглядовъ на сравнительную миѳологію.

2-я папка записокъ по теоріи словесности начинается слѣдующей замѣткой: человѣкъ идетъ отъ того состоянія мысли, при которомъ конкретное явленіе, впечатлѣнія текущаго мгновенія заполняютъ всю ширину и глубину сознанія, къ тѣмъ состояніямъ, при коихъ при помощи все большаго и большаго отвлеченія, стремленія расширить кругъ отвлеченныхъ понятій, мысль становится способной обнимать все болѣе и болѣе сложные ряды явленій.

Теорія миѳа въ его отношеніи къ поэзіи составляетъ содержаніе всей этой папки, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ рубрикъ: Миѳическое воззрѣніе на вдохновеніе. Здѣсь анализъ взглядовъ древнихъ на причину вдохновенія ведетъ къ цѣлому ряду замѣтокъ о понятіи причины, которое, какъ время, пространство и пр., производно. Первоначально это—сочетаніе образа съ объясняемымъ по сходству, противоположности или смежности въ пространствѣ, послѣдовательности во времени. Заключенія отъ сходства, причинная зависимость по формулѣ cum hoc ergo propter hoc, post hoc ergo propter hoc являются ничѣмъ

инымъ, какъ результатомъ умозаключенія въ области метафоры, метоніміи и пр. Пріемы миѳическаго мышленія, помимо образовъ народной поэзіи, при анализѣ понятій причинности, выражаемой между прочимъ терминами *вражда, любовь* (о чемъ и въ новыхъ запискахъ по грамм.) иллюстрируются выписками изъ Плинія. Здѣсь раскрывается цѣлое міросозерцаніе, непохожее повидимому на наше, но созданное по тѣмъ же законамъ человѣческой мысли, и слѣды его не трудно открыть и теперь. Среди прочихъ примѣровъ видное мѣсто занимаютъ образцы миѳическаго творчества изъ народной поэзіи, заговоровъ, лѣчебниковъ, основанные на томъ, что лѣкарства враждебны тому, что производитъ болѣзнь (теорія противоядій), или дружественны.

Вслѣдъ за анализомъ пріемовъ миѳическаго творчества идетъ опредѣленіе миѳа, разграниченіе поэтическаго и миѳическаго мышленія. Миѳъ есть необходимый шагъ мысли; созданіе миѳа есть актъ познанія, какъ и созданіе новаго слова. Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи такое же, какъ ея отношеніе къ исторіи литературы; анализъ миѳа есть исторія миѳическаго міросозерцанія. Разница между миѳическимъ и поэтическимъ мышленіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: пользованіе поэтическимъ образомъ, какъ средствомъ преобразованія мысли, предполагаетъ способность ея къ научному мышленію, къ анализу, критикѣ; созданіе миѳа есть результатъ внесенія объясняющаго въ объясняемое (при миѳическомъ пользованіи образомъ) и предполагаетъ конкретность мышленія, отсутствіе критики. (Образецъ иллюстраціи: горючее сердце—поэтическій образъ, и миѳъ о причинѣ пожара при Іоаннѣ IV: Глинскіе настаивали человѣческія сердца и настойкой кропили крыши). На той же почвѣ миѳическаго мышленія при отожествленіи слова и вещи возникаетъ вѣра въ силу слова, откуда заговоры и пр.

Вообще въ содержаніи этого отдѣла большое мѣсто отведено выясненію пріемовъ поэтическаго и миѳическаго мышленія, какъ въ первой поэтическаго и прозаическаго или научнаго. Заканчивается онъ замѣткой объ эвфемизмѣ, сначала появляющемся въ миѳической окраскѣ и переходящемъ потомъ въ pruderie. Эвфемизму придается большая роль въ созданіи языка, и А. А. не разъ указывалъ на это явленіе, какъ на серьозную задачу для изслѣдованія.

Наконецъ, вся третья папка посвящена формамъ поэтической иносказательности. Здѣсь сначала разсматриваются такія явленія, какъ гипербола (отличіе ея отъ лжи), иронія, сарказмъ, хлестаковщина (какъ

особый видъ гиперболы), игра словами, перифразъ и пр. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ о тропахъ и фигурахъ, которому предпосылается разборъ ученія о нихъ древнихъ, Аристотеля, Квинтиліана и др. и новыхъ, главнымъ образомъ Гербера и Луки Зимы. Указавъ на неправильное выдѣленіе эпитета, какъ особаго вида троповъ, А. А. принимаетъ три основныхъ вида: синекдоху, метонимію и метафору. Замѣчательно здѣсь то, что и эти поэтическія категоріи А. А. не считаетъ неизмѣнными, какъ и категоріи грамматическія. Все зависитъ отъ того, на какой ступени развитія мысли стоитъ говорящій, другими словами, отъ отношенія его къ слову. Отсюда при разсмотрѣніи этихъ явленій въ процессѣ исторіи мысли—невозможность положить опредѣленныхъ границъ между ними, когда синекдоха переходитъ въ метонимію, а метонимія въ метафору. Разсматривая отдѣльно эти тропы, А. А. отъ простыхъ постоянно переходитъ къ сложнымъ формамъ. Такъ вслѣдъ за синекдохой разбираются сложныя ея формы, παραδειγμα, литературный типъ. Затѣмъ идетъ метонимія и ея отношеніе къ синекдохѣ, метафора, простая, какъ членъ предложенія, сравненіе, (переходъ образа въ обстановку, о чемъ см. въ объясн. малор. и срод. пѣс.), уподобленіе; виды сложной метафоры: аллегорія, притча, басня и пр.

Вотъ вкратцѣ передача содержанія записокъ по теоріи словесности въ томъ видѣ, какъ они находятся теперь. Нѣсколько иначе оно распредѣлялось въ курсахъ, читанныхъ А. А—чемъ, насколько можно судить объ этомъ по имѣющимся студенческимъ запискамъ и двумъ конспектамъ этихъ курсовъ, относящимся къ разному времени. Одинъ изъ нихъ составленъ довольно полно самимъ А. А—чемъ, другой, очевидно, однимъ изъ его слушателей и находится среди разныхъ черновыхъ замѣтокъ, еще неразсмотрѣнныхъ.

Состояніе всѣхъ этихъ записокъ таково, что требуетъ основательнаго изученія, безъ котораго приступить къ изданію невозможно. Здѣсь прійдется имѣть дѣло просто съ черновымъ матеріаломъ. Но при обработкѣ его могутъ принести нѣкоторую пользу отчасти студенческія записи, отчасти упомянутые конспекты и, наконецъ, записанныя нѣкогда стенографически и провѣренныя самимъ А. А—чемъ 10 частныхъ лекцій, посвященныхъ вопросу объ отношеніи поэтическихъ произведеній къ слову.

Содержаніе остальныхъ 14 папокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми разрозненными замѣтками, связанными въ пачки, можно раздѣлить на три отдѣла: матеріалы для этимологіи (словаря), для грамматики и записки

смѣшаннаго характера. Кромѣ трехъ папокъ, занятыхъ исключительно словарнымъ матеріаломъ, послѣдній находится и въ отдѣльныхъ связкахъ и въ двухъ тетрадкахъ съ комментаріями на Договоры съ греками и Слово Даніила Заточника. Матеріалъ разсортированъ въ 2-хъ папкахъ и связкахъ по буквамъ, въ 3-ей онъ находится въ томъ видѣ, какъ дѣлались выписки. Въ 1-ой папкѣ находятся слова на буквы: *м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, я*, затѣмъ на *л, р, г, х, с, т;* въ связкахъ —въ одной отъ *к.* до *с;* въ другой—на *б, в, г, д, ж, з;* въ третьей отъ *р, с,* до конца азбуки; въ четвертой—собственныя имена, фамиліи, расположенныя также въ азбучномъ порядкѣ. Много выписокъ съ собственными именами находится и во 2-ой папкѣ, а третья вся занята словами на буквы отъ *б* до *л.* Весь собранный здѣсь матеріалъ по своему характеру напоминаетъ обнародованное уже въ печати, въ 4 выпускахъ „Къ исторіи звуковъ“ и въ недавнихъ еще замѣткахъ въ „Живой Старинѣ“. Словамъ, на примѣръ, со звукомъ *х* предшествуетъ фонетическая замѣтка объ измѣненіи этого спиранта на почвѣ русскаго языка; въ другихъ случаяхъ, кромѣ бытовыхъ объясненій, встрѣчаются и историко-литературныя; а нѣкоторыя выписки напоминаютъ издающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря“ Срезневскаго. Общій же характеръ этихъ замѣтокъ—этимологія, понимаемая въ смыслѣ раскрытія лексической полноты слова. Если исторія слова выходитъ за предѣлы русскаго и славянскихъ языковъ, то для уясненія развитія слова всегда привлекается сравнительный матеріалъ изъ прочихъ арійскихъ нарѣчій. Что до распредѣленія этого матеріала, то азбучный порядокъ изрѣдка встрѣчающійся въ соч. „К исторіи зв“ здѣсь, какъ указано, преобладаетъ; въ частности же нерѣдко встрѣчается и группировка словъ по гнѣздамъ.

Изданіе этихъ матеріаловъ для русскаго сравнительно-этимологическаго словаря несоставитъ большого труда; желательно было бы, чтобы изданіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и перепечаткой вышедшихъ уже въ свѣтъ этимологическихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Среди словарныхъ работъ Миклошича и др. трудъ А. А. займетъ почтенное мѣсто и составитъ важную настольную книгу для всякаго занимающагося изученіемъ древней русской письменности, народной словесностью и вообще славянскими нарѣчіями. Печатающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря“ Срезневскаго получатъ въ этимологическихъ замѣткахъ А. А. весьма существенное дополненіе, безъ котораго многое въ нихъ останется неяснымъ.

Хотя изученіе звуковой наружности языка А. А. считалъ дѣломъ второстепеннымъ въ языкознаніи и на свои изслѣдованія по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка смотрѣлъ, какъ на необходимые лѣса для возведенія зданія русскаго синтаксиса; тѣмъ не менѣе всѣмъ извѣстно важное значеніе его фонетическихъ изслѣдованій. Да и самыя синтактическія его работы достаточно указываютъ на качество этихъ лѣсовъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ морфологія русскаго языка. Въ 7-ми папкахъ находятся тѣ матеріалы изъ этой области русскаго языкознанія, которые покойный неспѣшилъ обнародовать.

Въ первой изъ нихъ находится склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, замѣтки по изслѣдованію о членѣ въ русскомъ и прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и объ именныхъ суффиксахъ. Категоріямъ родительнаго падежа, мѣстоименію, частицамъ, союзу (объ излишествѣ союзовъ), превращенію мѣстоименія въ союзъ и нарѣчіе, предлогу посвящены замѣтки во 2-ой папкѣ. Третья заключаетъ въ себѣ матеріалы объ удареніи въ именахъ по склоненіямъ, въ глаголахъ по разрядамъ и формамъ, о вліяніи предлоговъ на ударенія и пр. Отдѣлъ объ удареніяхъ находится въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ другіе.

Въ 4-хъ папкахъ собраны матеріалы о глаголѣ, которые должны были, повидимому, лечь въ основу 4-й части записокъ по грамматикѣ какъ и первые три. Судя по начатой разработкѣ этой категоріи рѣчи, это вовсе не матеріалы для изученія формъ глагола ради формъ, а для новаго дополненія къ русскому синтаксису. Вотъ нѣкоторыя рубрики, усмотрѣнныя нами въ этихъ запискахъ: о глагольныхъ разрядахъ; исторія глагола съ внѣшней стороны является его усложненіемъ, исторія его съ внутренней стороны—выработка видовъ; о видахъ, временахъ, наклоненіяхъ, глагольныхъ частицахъ, о вліяніи предлоговъ на образованіе видовъ; о залогахъ, о роли мѣстоименія *ся* въ образованіи залоговъ, о страдательности; роль предлоговъ въ заложныхъ образованіяхъ (*до*, *отъ* и др.).

Пересматривая замѣтки о глаголѣ, мы пришли къ тому печальному заключенію, что то, что читалось въ аудиторіи, незаносилось на бумагу; а между тѣмъ такого изслѣдованія о русскомъ глаголѣ и его судьбахъ, какого можно было ожидать отъ А. А., русская грамматическая литература долго, можетъ быть, не увидитъ. Коротенькій семестровый курсъ, читанный имъ въ послѣднее время о глаголѣ, указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду дать стройную исторію происхож-

денія глагольныхъ разрядовъ въ такой же обработкѣ, въ какой мы имѣемъ исторію имени въ 3-й части записокъ.

Что касается остальныхъ папокъ смѣшаннаго содержанія, то въ нихъ за исключеніемъ 2-хъ, посвященныхъ народной поэзіи, народно-поэтическимъ и миѳическимъ образамъ и одной съ черновыми набросками для новыхъ записокъ по грамматикѣ, интересна по своему содержанію папка съ слѣдующими набросками: Объ изученіи иностранныхъ языковъ (по повода Тютчева) съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности; о задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка (конспектъ вступительной лекціи 1881—2 г.); языкъ и задачи языкознанія (болѣе новыя замѣтки); объ искусственномъ языкѣ (по поводу статьи Макса Мюллера въ Deutsche Rundschau); о національзмѣ (по поводу статьи Рюдигера въ Zeits. f. Volksps.; замѣтки о томъ же по поводу книги Данилевскаго „Россія и Европа“; объ Одоевскомъ (конспектъ реферата); о Дневникѣ писателя (тоже); о литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ; о заповѣди „чти отца твоего“ въ примѣненіи къ дѣятелямъ слова. Замѣтки такого же общаго характера находятся и въ другихъ папкахъ и среди бумагъ еще неразобранныхъ, какъ напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о диссертаціи Соболевскаго, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и пр. Всѣ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе для біографіи (я не говорю о научномъ ихъ значеніи, которое несомнѣнно) А. А., для выясненія его взглядовъ на нѣкоторые волнующіе и волновавшіе нѣкогда русское общество вопросы; онѣ прольютъ свѣтъ также и на его міросозерцаніе, цѣльное и жизнерадостное, и опредѣлятъ, какимъ образомъ сложился этотъ типъ положительнаго человѣка съ здоровыми убѣжденіями, такъ благотворно вліявшаго на всѣхъ, кому пришлось побывать въ его сообществѣ.

Я не упомянулъ еще объ одной рукописи, именно о переводѣ Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника. А. А. серьезно занимался этимъ трудомъ во время одной лѣтней поѣздки за границу, отдыхая отъ своихъ научныхъ занятій. Сотня стиховъ или больше переписаны имъ набѣло, часть рукою его жены М. Ф. Потебни. Остальное—наброски карандашемъ, обнимающіе 8 пѣсень и начало 9-й, да подговительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто-народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи.

Есть, наконецъ, еще пачки бумагъ неразсмотрѣнныхъ, которыя не представляютъ ничего цѣлаго. Это—отчасти конспекты лекцій, отчасти обрывки „научнаго дневника“, (по выраженію покойнаго) съ замѣтками и выписками изъ читанныхъ имъ книгъ.

Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывовъ о нихъ.

(Составленъ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ).

О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи, Харьковъ. 1860 (155 стр.). Объ этой кн. см. „Соврем. малор. этнографію“ г. Сумцова въ Кіев. Старинѣ 1892 II 206—208 и IV 26.

Мысль и языкъ. Рядъ статей въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія 1862 г. Были оттиски (191 стр.). Второе посмертное изданіе вышло въ 1892 г. Объ этой кн. см въ ст. Б. М. Ляпунова и ст. М. С. Дринова, вошедшихъ въ сборникъ некрологовъ.

О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ въ Филол. Запискахъ 1864 г. вып. III.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. I Рождественскіе обряды. II Баба—Яга. III Змѣй. Волкъ. Вѣдьма (310 стр.). Напеч. въ 2 и 3 кн. „Чтеній моск. Общ. ист. и древн.“ 1865 г. Обширная рецензія П. А. Лавровскаго въ 2 кн.“ Чтеній моск. Общ. ист. и древ. 1866 г. См. Сумцова во II кн. Кіев. Стар.“ 1892 с. 208—214. Отвѣтъ Потебни Лавровскому не былъ напечатанъ Бодянскимъ и сохранился въ рукописи.

Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: I Полногласіе. II Звуковыя особенности русскихъ нарѣчій. Напеч. въ Филол. Запискахъ 1864—1865 г.; были оттиски (156 стр.). Объ этихъ трудахъ Потебни выше приведены отзывы Срезневскаго и Ляпунова.

Замѣтка на замѣтку о Кикѣ въ Филол. Зап. 1865 I.

О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, нап. въ „Древностяхъ Москов. Археол. Общества 1867, т. II; были оттиски (44 стр.). См. Кіев. Старину 1892 II 214—215.

О купальскихъ обняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ, нап. въ „Археолог. Вѣстникѣ“ Моск. Археол. Общества 1867; были оттиски (19 стр.). См. Кіев. Стар. 1892 II 215—216.

Къ статьѣ Аѳанасьева „Для Археологіи русскаго быта“, въ „Древностяхъ“ Арх. Общ. 1867 I вып. 2.

Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака, въ Археол. Вѣстн. 1868 нояб.—дек.

Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, въ „Филол. Записках“ 1870 и отдѣльно 1871 г. Отзывъ Срезневскаго въ его „Отчетѣ“ 1875 г. стр. 22.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ I введеніе. Напеч. въ Филол. Запискахъ 1874 г.; были оттиски (157 стр.). II составныя части предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Напеч. въ „Запискахъ харьк. университета“ 1874 и отдѣльно (538 стр.). Обѣ части составили докторскую диссертацію. Второе изданіе, исправленное и дополненное вышло въ 1889 г. Отзывы А. А. Котляревскаго, И. И. Срезневскаго, И. В. Ягича, В. И. Ламанскаго, А. С. Будиловича и И. В. Нетушила приведены выше.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Первая часть печаталась въ Журн. Мин. Нар. Просв 1873—74 г. и Филол. Зап. 1875; 2, 3 и 4 въ Рус. Филол. Вѣстникѣ 1880—1886 г.; затѣмъ вышли отдѣльно въ 4 частяхъ. Въ I ч. (243 стр.) „Нарѣчія въ древнемъ русскомъ языкѣ“, „Начальное рус. о=ст слав. 16“, три статьи о глухихъ звукахъ ъ и ь, статья о первомъ полногласіи (оро—ра и пр.) и о этимологическихъ различеніяхъ коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ; во II—IV разныя этимологическія замѣтки, однѣ вполнѣ филологическія, другія переходятъ въ этнографическія. О послѣднихъ см. Кіев. Старину 1892 III 409—423. Статья о юсахъ была перепечатана въ „Архивѣ“ Ягича

Орѳографическая замѣтка о слитномъ употребленіи отрицанія не *съ глаголами*, въ Филол. Зап. 1875 VI.

Разборъ книги П. Житецкаго, „Обзоръ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ 1876 г. въ „Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ“.

Малорусская народная пѣсня по списку XVI в. Текстъ и примѣчанія. Въ „Филол. Зап.“ 1877 г., были оттиски (53 стр.) см. Кіев. Старину 1892 II.

Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Въ Филол. Зап. 1877—78 г. и отдѣльно (158 стр.).

Разборъ „Нар. пѣсень Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго въ 21 отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ въ 37 т. Записокъ Акад. Наукъ (1878 г.).

Некрологъ проф. М. А. Колосова въ „Южномъ Краѣ“ 1881 г. № 28.

Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Печ. въ Рус. Филол. Вѣст. 1882—1887 г. Въ отдѣльности составили два толстыхъ тома: I т. (1883 г.) веснянки (268 стр.); въ II (1887) колядки (535 стр.). О I т. см. отзывъ Неймана въ IV кн. Кіев. Стар. 1884 г., о II т.

см. отзывъ Франка въ Kwartalnik Historiczny 1888 № 3, объ обоихъ томахъ см. Сумцова въ Кіев. Стар. 1892 IV и V.

Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, въ Филол. Зап. и отдѣльно въ 1888 г.; 76 стр.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки въ 4 томахъ (1887—1890) вышли подъ редакціей А. А. Потебни.

Сочиненія П. П. Артемовскаго—Гулака въ V кн. Кіевской Старины 1888 съ краткимъ предисловіемъ и подъ редакціей А. А. Потебни.

Степовы думы та спивы, Ивана Манджуры 1889 г. подъ редакціей А. А. Потебни.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. съ предисловіемъ А. А. Потебни въ I кн. Кіев. Стар. 1890. Дополненіе г. Степовича въ IV кн. Кіев. Стар. 1890 г.

Сказки, пословицы и т. п., запис. И. И. Манджурой въ Сборникѣ Харьк. Истор.—Филол. Общества 1890 г. подъ редакціей А. А. Потебни.

Этимологическія замѣтки въ III кн. Живой Старины 1891 г. стр. 117—129. Отзывъ А. И. Смирнова въ Рус. Фил. Вѣст. 1891 г. кн. II 309.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ Інв. № 44565

00673677 0